

ВОЕННО · ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Андрей БУРОВСКИЙ

АД ЗАКРЫТ
Все ушли
на фронт

Андрей Буровский

Ад закрыт. Все ушли на фронт

«Яузा»

2011

Буровский А. М.

Ад закрыт. Все ушли на фронт / А. М. Буровский — «Яуза»,
2011

Новый военно-фантастический боевик от автора бестселлера «„Прогрессоры“
Стилина и Гитлера»! Продолжение тайной войны против «мировой закулисы»,
толкающей человечество в ад революций, блицкригов и лагерей смерти!
Агенты Шамбалы против Приората Сиона, оккультного Рейха и кроваво-
красной магии СССР!

© Буровский А. М., 2011
© Яуза, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Буровский

Ад закрыт. Все ушли на фронт

«Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1937...»

Вся Европа трещит по швам. В Берлине генералы свергают Гитлера. После загадочного исчезновения Сталина в Москве вспыхивают уличные бои между верными Берии войсками НКВД и частями Красной Армии под командованием Тухачевского. В Париже – мятеж троцкистов... Удержится ли мир на краю бездны? Будет ли у нас светлое прошлое? Удастся ли «прогрессорам» будущего переписать историю, избавить Европу от ужасов Второй Мировой и вывести человечество из преисподней XX века?

В книге использованы стихи Льва Озера, Вадима Степанцова, Николая Гумилева, Павла Когана, Иосифа Сталина, Бориса Лапина, Сергея Гультова, Арсения Несмелова, а также и свои собственные. И безымянные народные частушки.

Все персонажи книги, исторические события, страны и континенты злонамеренно выдуманы автором. Всякая попытка увидеть в них реалии нашей жизни преследуется по закону, а также применением энергетических бомб и призывом древних бесов из глубин пещеры Руффиньяк.

Глава 1

Теплая земля Франции

Сначала была темнота. Кромешная угольная тьма, к которой не мог привыкнуть глаз. И тишина. Такая тишина, что Пете казалось – даже шум крови в ушах сам по себе может привлечь чье-то недоброе внимание.

Петя невольно сунул руку в карман, стискивая рукоять маузера.

– Давай я фонарик достану...

Тихий голос Вальтера прозвучал как рев громкоговорителя. Шорох справа – как грохот обвала. Лучик света выхватил каменную стену. Неровный треугольник старой кладки – исполинский темный зуб четко выделялся на более светлом фоне. Стена глухая, без окон, уходит на высоту метров четырех. Земляной пол... Такие же глухие каменные стены, под стенами – высокие грубые столы-верстаки; на них разложены на бумаге каменные орудия, позеленевшая старая бронза, огромная книга для записей.

Петя невольно вздрогнул: на одном из верстаков лежал скелет. Скелет старый, извлечененный из земли... но тем не менее.

В одной стене – железная дверь: по виду не слабее крепостной. И как только отсюда выбираться?!

– Вальтер...

Петя шептал, еле раскрывая губы, но друг прекрасно все слышал.

– Вальтер, а вроде потолок-то деревянный... если поставить друг на друга эти верстаки, можно достать...

Шорох! Еще странный металлический шорох! Стараясь двигаться бесшумно, друзья с оружием в руках встали с обеих сторон двери. Им казалось, что шум они производят просто страшный.

– Бога ради, только не стреляйте!

Голос вроде и не такой громкий... А! Говорят из-за двери.

– Не вздумайте стрелять, когда увидите меня!

Говоривший подождал и медленно стал отворять дверь. Скрип раздавался такой, часто хотелось побыстрее зажать уши. В медленно открывшемся проеме стоял среднего роста полу-седой человек с керосиновой лампой в руках.

– Извините... Ушел в работу, опоздал. Я – Жак Дуч... Пойдемте!

– Здравствуйте... Я – Петр Кац, это...

– Я знаю вас обоих, мне сообщили. Что, любуетесь моим шато?! Правильно, он очень красивый и старый... Он построен на месте тур... Что такое тур? Это крепость, такая укрепленная башня. Тур построили в двенадцатом веке и сожгли в шестнадцатом. Видите, темный треугольник старой кладки? Сразу видно, что камни тут более старые... Это все, что осталось от тура... после него и построили этот шато...

– Тур – это же башня? Замок такой?

– Конечно. Именно что замок. А шато – это не замок, это укрепленный загородный дом. Но что вы стоите? Пойдемте!

Поднялись по каменной лестнице; в ее ступенях ближе к середине камень за века выело, стерло множеством сапогов, ботинок, туфель, бот... всего, во что только не обувался род человеческий. На втором этаже, повинуясь Дучу, двинулись анфиладой огромных комнат по скрипучим деревянным полам. Местами пол еле заметно прогибался, скрипел. Метрах в пяти над головой огромные балки держали такой же деревянный потолок. В свете керосиновой лампы виднелись старинные широкие кровати, такие же древние шкапы, – далеко не современная

обстановка старого-престарого шато. Окна высокие, а начинаются почти у самого пола. Петя вспомнил, что они так и называются: «французские». Окна открыты, в них веет предутренний ветерок, качает тяжелые шторы.

Господин Жак рассказывал, что еще его дед заключил с правительством договор и теперь не платит налогов за огромное шато. Он должен показывать его всем желающим, за это ему даже доплачивают, как смотрителю. А когда он умрет, смотрителем станет его сын, который сейчас живет в Лионе, работает врачом.

– А если он не захочет стать смотрителем?

– Потерять такое потрясающее шато?! Молодые люди, феодализм силен традициями. Традиции обязывают не всегда поступать так, как хочется, но следование им дает намного больше.

В одной из комнат кто-то завозился на потолке, сверкнул зелеными круглыми глазами. Задумчивый нечеловеческий голос произнес сверху что-то вроде протяжного «ту-гу... Ту-гу»... И бесшумно вылетел наружу, обдав людей потоками ветра из-под крыльев. Парни невольно шарахнулись, хозяин посмеялся... Добродушно, но вместе с тем ехидно.

– Не бойтесь, это сова... Я зову ее Женевьеву... Сове не меньше лет ста или около того. Эта семья сов живет здесь много поколений. Мне приятно думать, что Женевьеву может помнить Наполеона и что ее предки были знакомы с моими еще со времен постройки шато...

Свернули под прямым углом, спустились по винтовой лестнице, и тут из стены выплыло что-то белое, мерцающее... Кокон высотой с полтора метра, диаметром сантиметров семьдесят, бесшумно плыл над самым полом коридора. Внутри кокона мерцал желтый огонек, и почему-то сразу стало понятно, – это женщина со свечой в руках, в длинной белой рубашке.

Парни схватились за револьверы, сам господин Жак тоже напрягся... Напрягся, но рукой заслонил привидение от парней... кокон бесшумно проплыл попере лестничного пролета, бесследно исчез в другой стене. Какое-то мгновение казалось, что в стене продолжается мерцание, затухает... потом этот отблеск погас.

– Фу-у... Ну и дела заворачиваются! – обернулся к друзьям господин Жак. На добродушном подвижном лице засверкали бисеринки пота. – Женевьеву волнуется, да еще и призрак Вероники пролетел... Понимаете, тут триста лет назад не в меру ревнивый муж замуровал в стене юную Веронику... Вообразил, что она неверна ему с кучером... Потом оказалось, что Веронику оболгал влюбленный в нее сосед; этот мерзкий сосед во всем признался и повесился на воротах нашей усадьбы. А муж раскаялся и кинул размурывать Веронику, но что-то у него сдвинулось с головой... Понимаете, старый дурак забыл, где именно замуровал жену. Сначала предок полгода молился, надеялся вспомнить, а потом зарезал себя кинжалом в своем кабинете, это двумя этажами выше...

Парни несколько обалдели от такой концентрации трагедий...

– Тогда у вас должно быть не одно привидение, а несколько... – предположил Петя.

– Привидение соседа появляется только во время войн, – деловито объяснил господин Дуч. – И если совсем молодая девушка выходит замуж за злобного ревнивца или за старика. А прапрапрадушка – существо тихое, богобоязненное, мы с ним часто общаемся.

– Странно... – нарушил тишину Вальтер. – Нашему замку лет четыреста, а ни одного привидения у нас нет.

– В какой части Франции у вас замок? – заинтересовался господин Жак. – Его ни разу не брали штурмом?

– Он в Германии... Во Франконии.

– А! – небрежно махнул рукой господин Жак. – Немецкие замки скучны, как немецкая еда и все немецкие порядки! Франкония! Это же совсем молодая страна...

Пока говорили, свернули в огромный зал, украшенный гобеленами; на стенах висели алебарды, сабли, копья, какое-то вообще никому не знакомое оружие. Главной частью интерьеров

в зале был громадный стол, стоящий вдоль стен буквой П. Господин Жак поставил керосиновую лампу на накрытый край стола, сдернул салфетки, прикрывавшие колбасы, бутерброды с сыром, пироги. Красноватое пламя лампы смешивалось с серым светом из французских окон – светало.

– Прошу! Вам необходимо подкрепиться. Вот рассветет, и мы отправимся в путь. Тут недалеко, вас уже ждут… И сразу за дело! Если нужно будет укрыться, годится и мой дом, и место, куда вы попадете. Но самое главное – вот документы, они «чистые», полиция ни к чему не прикопается. А вот кого вам надо бояться всерьез – вот этого человека…

На фотографии был изображен желчный, всем недовольный мужик средних лет, лысый, с беззубым ртом, изломанным в довольно противной ухмылке.

– А его почему надо бояться? – продолжая жевать, спросил Петя.

– Видите ли… Я не все знаю о вашей миссии, но мне рассказали: вы хотите объединить Европу. А это очень не нравится господам из Приорского аббатства… Вы ведь знакомы с такими?

Друзья замотали головами. Господин Жак явно никак не ждал отрицательного ответа, он буквально обомлел от изумления, даже прихлопнул ладонью по колену.

– Вот это да! Вас посылают на такое дело, а про приоратов вы не знаете?!

Парни опять дружно замотали головами.

– И про иллюминаторов? Про мерзких выкормышей Вайскопфа?!

Мотание головами, уже с улыбками.

– Нам сказали, что нам все объяснят уже в Европе…

– Ну, рассказывать о них я мог бы долго… Вот этот… – Господин Жак брезгливо дотронулся кончиком пальца до фотографии. – Этот портил кровь моему предку еще двести лет назад… После Наполеоновских войн у Европы был выбор: осторожные постепенные изменения, но просвещение. Просвещение всех, как можно больше школ и книг! Но постараться удержать старушку Европу от катаклизмов. Это был путь Знания. Мы, тамплиеры, всегда стояли именно за этот путь.

А другой путь был – не давать людям информации: пусть верят в то, что им рассказывают просвещенные и богатые. И пусть в Европе громыхает революция за революцией, разрушая сложившиеся монархии, уничтожая законы, по которым жили поколения. Это путь не Знания, это путь Власти и Денег.

– А почему, если будут революции, непременно установится власть денег? Социалистическая революция в эсэсээр не привела к власти богачей.

– Как сказать… Революция в России разорила тех, кто раньше владел богатствами. Причем многие из старых богачей были патриотами своего отечества, были людьми большой культуры. Эти богатые и знатные исчезли, но разве куда-то исчезли их богатства?

– Россия страшно обеднела после революции… – грустно уронил Вальтер. Было видно, что ему очень жалко Россию.

– Обеднела! Невероятно обеднела! Огромные богатства были потеряны и во время Гражданской войны. Но разве исчезли куда-то сокровища аристократии? Драгоценности, картины, золото, валюта? Нет, конечно, все это досталось новым хозяевам жизни. Верхушка компартии стала миллиардерами в один момент. Зимой 1918 года богатства большевиков оценивались в сумму, по крайней мере, несколько миллиардов тогдашних золотых рублей. Ленин, Троцкий, Радек, Коллонтай, Дзержинский – миллиардеры. Куда там Вандерbiltу и Моргану! Американские миллиардеры должны снимать шляпу перед вашими!

– А Ленин… когда его ранила Каплан, ему нужен был лимон! И его не было во всей Москве! А Дзержинскому, когда было особенно голодно, чекисты с невероятным трудом достали картошки и сала, наварили, подали ему – мол, вот такой сегодня паек. А Дзержинский не поверил – не даром же главный чекист! Проницательный был. Вышел Дзержинский из

кабинета и у первого встречного спрашивает: что сегодня за паек? Ему отвечали: картошка с салом! Трех человек спросил, потом съел...

Господин Жак хохотал, утирая слезы со щек. Вальтер улыбался так соболезнующе, что становилось неприятно.

– Пьер, вы хоть знаете, что уже в восемнадцатом году для верхушки компартии установили «партийные» или «совнаркомовские» пайки? В такой «кремлевский» паек входили и белый хлеб, и крупы, и овощи, и мясо, и молочные продукты. В каком бы развале ни находилось хозяйство страны, уж на несколько десятков тысяч человек пища всегда найдется.

– Петера учили, что у них в стране все равны...

Голос Вальтера был такой соболезнующий и добрый, что Пете сделалось нехорошо.

– Да что вы со мной говорите, словно я грудной младенец!

– Младенец или нет, а представления о жизни у вас самые фантастические. Ведь мало того, что большевики захватили просто сказочные богатства... А потом? После Гражданской войны? В России появляется производство... Рабочий получает меньше, чем получал до революции. Никто не отвечает за его болезнь, потерю здоровья и смерть. На костях сотен тысяч людей добывают золото, рубят лес, плавят металл, выпускают новые машины. Кто владеет всем этим?

– Народ... – Петя сам слышал, что голос его звучит не слишком уверенно.

Ангельское выражение усугубилось на лице господина Жака...

– Мосье Пьер... Вы ведь в России народ? Да? Народ? Ну и расскажите, чем именно вы распоряжались, какими богатствами... А богатства в России колоссальные! Золото, алмазы, лес, нефть, машины, талантливый, работающий народ! И кто этим всем распоряжается?

– Партия! Она выражает волю народа...

– Партия... Ваш отец коммунист?

– Коммунист.

– Но он не распоряжается ничем. И миллионы таких, как он, тоже не распоряжаются ничем. Распоряжаются несколько тысяч высших партийных функционеров. Верно? Вот так называемая индустриализация... коммунисты покупают за рубежом целые заводы.

– Во всем мире была депрессия, безработные умирали с голоду! Предприятия обесценились, в паровозных топках горели кофе и сахар!

– Было и это... Но чтобы купить даже обесцененные заводы, нужны деньги. Коммунисты вложили миллиарды долларов в эти заводы. Значит, у них эти деньги все-таки были?

– В России тоже борются сторонники Пути Знания и Пути Денег... – тихо, но очень уверенно, упрямо, произнес Вальтер.

– Разумеется, я же об этом и толкую. Я же и разъясняю, что Путь Денег всегда идет через катаклизмы, революции, избиения, убийства. И революция в России тоже выгодна тем, что идет по Пути Денег. Вам это меньше понравится, Вальтер, но и события в Германии тоже очень полезны этим... этим людям.

– У нас совсем не так, как в России!

– Вальтер, Вальтер... Хотите покажу вам с цифрами в руках, что капиталы англосаксов контролируют вашу экономику не меньше, чем экономику СССР? А может быть, и побольше. Жаль, времени совсем нет... И вообще об этом вам лучше всего расскажет наш общий друг, живущий в Париже... Вы с ним еще увидитесь, ребята.

Пока что получше запомните эту физиономию... Этот человек тоже кое-чем владеет... Если эта рожа трансгрессируется от вас поблизости – сразу стреляйте на поражение. Но подручных у него очень много, идет настоящая война. Мало нам иллюминаторов, которые в Германии, против нас работают рыцари Сиона... Вы еще спрашиваете, кому мешает объединение Европы! Это страшные люди, и у них тоже своя философия. По-своему они очень логичны: пусть историческое наследие Европы остается только в музеях, пусть наша тысячелетняя куль-

тура станет недоступна для большинства, – главное, чтобы не было границ, не было традиций, не было законов, мешающих наживать сто процентов на сто и вывозить деньги куда угодно.

Парни, вы появились очень вовремя. Тут много что происходит, и все что я вижу – не к добру. Думаю, вас уже заметили… Видите, сразу и Женевьеве беспокоится, и Вероника появилась. Давайте в машину!

Господин Жак решительно вскочил, парни тоже невольно поднялись.

– Можно спросить, куда мы, собственно, едем?

– К одному человеку… Он отказывается встретиться с вами здесь, и это, может быть, к лучшему. Из его Крепости вы легко попадете в любую другую крепость Европы. А укрытие очень надежное.

– Мы же не прятаться приехали…

– Уверяю вас – не помешает!

Господин Жак даже прижал руки к груди для убедительности.

– И возьмем по двустволке.

– Знали бы, взяли винтовки… Какой смысл от ваших дробовиков? За семьдесят метров они почти бесполезны.

– Револьверы и на пятьдесят метров почти бесполезны. А винтовки… Как вы объясните, что у вас в машине лежит винтовка?

– Ну… может же сельский житель пойти охотиться?

Господин Жак оказался слишком вежлив, чтобы опять засмеяться.

– Помилуйте, ну на кого тут охотиться с винтовкой?! Да и не охотничий сезон…

И он пошел, быстро пошел, показывая рукой – за мной, ребята!

По винтовой старинной лестнице парни вышли на лужайку позади дома. Господин Жак торопливо объяснял, что проведет их черным ходом, скоро прислуга придет, незачем их кому-то видеть… Господин Жак убежал в предрассветный туман, скоро там зафырчала машина. Петя еле успел рассмотреть громадное здание в три этажа, лужайку с каменными скамейками над курящейся туманами рекой. Ивы склонялись над зеленоватой водой. Тихо, идиллично, как в старых русских усадьбах… Разве что в России скамейки были бы деревянные.

– Садитесь на заднее сиденье!

Страховидного обличья «Форд», господин Жак на шоферском сиденье, и все – уже поехали-поехали. Ружье с патронташем лежит на полу, еще два – под задним сиденьем, револьверы в карманах…

– А между прочим, Петер… Ведь никому не объяснишь не только винтовку… никому не объяснишь и револьвер…

– А может, мы на спор решили выяснить, кто попадет в утку из револьвера?

– Смейтесь, смейтесь! – не выдержал господин Жак. – Но байка про пари, кстати, совсем неплохая… Держите ее при себе на случай разборок с полицией… Только не в утку мы с гостями стреляли, а собирались палить по стволу дерева…

По дороге господин Жак продолжал рассказывать о кознях рыцарей Сиона и иллюминаторов. Получалось зловеще, но все равно до конца непонятно.

А солнце поднималось, по сторонам дороги вставала неправдоподобная по красоте страна. Плыл туман над речкой с непривычной зеленой водой реки Дордонь. Луга за рекой, желтеющие поля и ограничивающая горизонт каменистая грязь. В грязи – темные пятна пещер. От шоссе отходили сельские грунтовые дороги, на перекрестиях дорог выселились деревья – раскидистые и прекрасные. Ветерок пробегал по листве, ветви словно разгоняли легкий туман. Из тумана выступал то кто-то мирно идущий по сельской дороге, то неподвижный рыбак, наблюдающий за поплавками.

Зеленую уютную речку Дордонь Петя тут же окрестил для себя Дордонькой. Чем-то она неуловимо походила на среднерусские речки: такая же тихая, поэтичная, только окрестности ярче, – юг все-таки.

– Господин Жак, а почему в реке вода зеленая?

– Конечно, зеленая… Как везде… Что, бывает иначе?

Не было ни времени, ни особой охоты объяснять, что далеко не во всех реках такая вот зеленая вода.

За рекой, за полями салатно-желтого цвета – все та же серая каменная гряда – то ближе, то дальше. Господин Жак рассказывал, что великий писатель Рони-Старший именно в этих местах писал свои книги «Борьба за огонь» и «Пещерный лев», а жил в том самом шато, дружил с его отцом и вместе гулял по окрестностям.

Машина пролетала городки – каменные, чистенькие и аккуратные. Все в этих городках было маленько, меньше обычного: и дорога чуть уже, чем в России, и дорожные знаки меньше по размерам, и домики какие-то игрушечные.

Несмотря на страшную рань, множество людей уже спешили по улицам, открывали магазины, шли и ехали по делам. В городках господин Жак законопослушно притормаживал, раскланивался со знакомыми. Петя заметил, что Вальтер тоже кивает, прикасается пальцами к полям своей штатской, совсем не идущей ему шляпы. Он понял, что такова уж европейская вежливость, и тоже стал здороваться со всеми знакомыми хозяина.

– А знаете, почему Франция проиграла англосаксам битву за мировое господство? Потому что Франция невероятно красива. Посмотрите, как хороша моя Франция! В Англии холодно и все время идут дожди… Оттуда уезжали, потому что согласны были там не жить… А как уехать отсюда?!

Петя сначала улыбался, потом до него дошло – господин Жак говорит совершенно серьезно.

Но вот в чем Франция и правда действовала – было трудно представить, что в этой красивой, как переводная картинка, пышной стране, на фоне богатой природы могут быть страдания, насилие, смерть. Взгляд, первоначально цепкий, профессионально-зоркий, начал расслабленно скользить по окрестностям, тело утратило упругое напряжение идущего в бой. Предчувствие? Так ведь все время ждали чего-то… Напряженное ожидание исчезло.

И нарвались: на трассе вдали от городков вдруг вылетела на шоссе машина, перегородила путь. Из завизжавшего тормозами автомобиля (даже дым пошел от шин) выскочили двое, как-то очень ловко спрыгнули, залегли на обочине. Вальтер первым заметил еще ствол за раскидистым деревом, выстрелил раз и другой. Ствол упал… непонятно, задел Вальтер человека со стволом или просто заставил укрыться. Господин Жак тормозил метрах в тридцати от препятствия, резко свернул с шоссе на проселочную дорогу. Только тогда Петя вскинул ружье, выстрелил туда, где расцветали смертоносные цветы из стволов. В сторону машины ударило мгновенно и страшно, но они уже неслись куда-то вбок, поднимая клубы мелкой пыли.

– Иллюминаты?! Приорат?!

– Что вы… их мелкие подручные, не более… Объедем так, чтобы они не знали, где мы. За нас еще не принялись по-настоящему…

Хорошо, что господин Жак родился и вырос в этих местах. Машина летела на страшной скорости – не менее восьмидесяти, а то и девяноста километров. Поворот… еще поворот… А потом пришлось ехать медленно, прилично, потому что начался городок.

– Тут безопасно… почти безопасно. Но вы посмотрите все же, как красиво! Нигде вы не найдете ничего подобного! Ни в каких других землях!

Господин Жак тараторил еще, и Петя подумал, что смертельная опасность по-разному действует на северян и южан: они с Вальтером подобрались, напряглись, а господин Жак болтал все больше и больше. Слева пошел скальный навес… еще один…

Они ехали по узкой дороге вдоль серого скального массива. Грохнуло так, что от обочины прах полетел в разные стороны. Граната?! Но осколков вроде не было, только машину швырнуло. И дыма почти нет... Просто вспух огненный шар на дороге, совершенно непонятно от чего.

– А вот это уже серьезно! Нас очень не хотят пропустить...

Громыхнуло еще раз, уже сзади. Расширение дороги... Почти ровная площадка, игрушечная будка, какая бывает перед входом в парк, и в серой скале – черное жерло пещеры. Господин Жак подвел машину под самую скалу; так, что сумрачный скальный козырек нависал прямо над автомобилем. К ним торопливо шел человек с напряженным лицом, полилась частая французская речь.

– Я жду здесь, – обернулся к ним господин Жак. Потное лицо очень старалось улыбнуться. – Вы слушайтесь Мишеля... Он неплохо понимает по-немецки. Вот одежда... вам она пригодится...

Господин Жак сунул парням два мешка.

– Ну, пошли! С Богом!

К удивлению Пети, Жак Дуч размашисто перекрестил их: по-католически, слева направо.

– Быстрее... – Мишель уже волок парней туда, где зиял треугольник входа в пещеру. У самого входа, ощущив идущий из подземелья холод, Петя обернулся, помахал рукой господину Жаку. Тот ответил; он так и остался неподвижно сидеть, чуть откинувшись на спинку. Пете очень не хотелось нырять под землю, не хотелось оставлять наверху Дуча... Но он легко объяснил себе, что это просто непривычное место, непривычные обстоятельства, вот нервы и разыгрались.

Глава 2

Холодные недра земли

В пещере оказалось холодно, тихо и сухо. Петя ждал, что будет капать вода, сочиться сквозь камень ручейки... А близ поверхности земли, где еще золотом светился вход, было почти что уютно. Мишель знаками показал: раздеваться. Петя вытащил из своего мешка плотную теплую рубашку и такие же ватные штаны. Вальтер натянул такую же одежду поверх своей. В тех же мешках было и по сильному фонарю, по бутылке вина, бутерброды. Петя с благодарностью почувствовал, что господин Жак предусмотрел решительно все.

Мишель махнул рукой, троица начала спуск. Идти нетрудно, под ногами – плотно слежавшийся песок, сквозь него то и дело проступал камень. Неровные стены – то каменные, то глинистые. Там, где шла глина, слоями выступали желваки кремня. Пете было жутковато все время спускаться под землю, но других вариантов как-то не было. Мишель шагал уверенно, спокойно. Он сказал по-немецки, выговаривая плохо, но понятно: в пещере ничего писать нельзя. Плохие люди хотят писать свои имена, это запрещено. Вот за эту надпись плохой человек заплатил две тысячи франков...

Надпись не закончена. Петя живо представил себе, как служители пещеры-музея волокут хулигана, не давая ему доцарапать на глине свое имя, и ему сделалось смешно. Судя по тихому смешку Вальтера, ему тоже.

– Тут уже попадаются рисунки...

Мишель повел лучом фонаря по потолку, луч выхватил изображение мамонта. Зверь был нарисован так реалистично, что Петя вздрогнул: рассерженное животное на потолке растопырило перепончатые уши, направило хобот в его сторону... Вот еще мамонт. Вот олени... В одном месте на глине был изображен... домик. Такой же точно домик, какой рисуют дети во всем мире. Откуда он? Вроде не было тогда еще домов.

Что это?! Поверх рисунка с мохнатым носорогом шла витиеватая надпись латинскими буквами – имя. И дата арабскими цифрами: 1287.

– Мишель... Мишель, это что?!

– Был человек... Написал свое имя и дату, когда был... Так делают и сейчас, но так делать нельзя.

Еще надпись, неразборчивое имя, тоже латинскими буквами, но и цифры латинские: DCCLXXIII. Сколько же это будет?! Получалось – 773 год. Невероятно...

– Мишель! Мишель! Неужели в такое давнее время сюда приходили?

– У нас древний страна. Давно-давно сюда человек приходил.

Петя попытался представить человека в плаще с капюшоном... Почему-то этот человек виделся ему стоящим в полном одиночестве в пещере. Человек с факелом в руках сторожко озирался, прислушиваясь к звукам. Ему было интересно и жутко. Средневековый человек так явственно стоял у каменного выступа с надписью, что Пете пришлось помотать головой, отгоняя видение.

Ход раздваивался. В этом месте Мишель разразился речью на смеси французского с немецким. Ребята поняли, что он останется здесь, у разделяющего ходы скального выступа, а им надо идти в левый, узкий ход. Если честно, идти не хотелось. Тем более, направо все же вела утоптанная тропа... Слева слежавшийся песок нога человека почти и не трогала.

Темнота обступила, тесные стены словно сдавливали с двух сторон. Извилистый путь длился не меньше минут десяти.

– Мы прошли с полкилометра...

– Да. И опустились метров на двадцать...

Голоса странно звучали в этом замкнутом со всех сторон пространстве с неподвижным, неживым воздухом. Петя показалось, что впереди что-то сверкнуло.

– Вальтер... Давай выключим фонари.

Друг даже не спросил, зачем это надо. В полной тьме Петя убедился: впереди и правда начал мерцать огонек. Он именно что мерцал, вспыхивал и пригасал – совсем не как огонь керосиновой лампы. Петя понял, что это костер. Теперь друзья шли в полной темноте. Главными ощущениями стал звук ботинок по плотной земле да свист прорезиненной ткани.

Какие-то вертикальные фигуры двигались около огня, причудливые тени прыгали по стенам пещеры. Неприятно и жутко идти, но ведь это, наверно, все же люди... Петя так и шел, сунув руку в карман: прикосновение к тяжелому металлу пистолета сильно успокаивало парня.

Стали видны люди, сидевшие и стоявшие у огня. Они словно не видели пришедших. Парни остановились в нескольких метрах, просто не зная, что делать. Только тогда один человек встал, неторопливо направился к ним.

Этот человек был крупнее и Вальтера, и Пети. Он был одет в кожаный комбинезон и мягкие сапоги; в волосах человека, как у индейца, торчали несколько перьев. Только волосы у незнакомца были совсем не «индейские», а светлые, мягкие; крупные черты лица больше всего напоминали скандинава или северного немца.

– Привет, – сказал человек по-немецки – со странным акцентом, но понятно. – Меня зовут Аах Юн. А тебя?

– Вальтер.

– Петр.

– Что означают ваши имена?

– Петр – это значит «камень».

– Вальтер – «управляющий людьми».

– По-нашему это будет Уум и Ам-ах. Мне сказали про вас... Сказали, что я должен дать вам камни силы... Сказавшие не знали, что надо спросить Ваал Саама.

– Кого? – нервно переспросил Вальтер.

– Ваал Саама. Пошли.

Аах Юн показал рукой на провал. Пропасть рваной формы зияла под скалой в нескольких метрах от костра. Люди начали вставать, и только сейчас Петя обратил внимание – многие из них вооружены копьями. Аах Юн что-то сказал; один из воинов послушно присел, сунул в огонь что-то странное... вроде бы кость крупного зверя. И опять уселся у огня. Остальные сгрудились позади парней. Они не подталкивали, ничего не говорили, лица их оставались беспристрастны, – действительно, как у индейцев. Но теперь крупные люди стояли позади, отрезая дорогу из пещеры.

Парни переглянулись, убеждаясь – выхода у них и правда не было... Не открывать же огонь!

Аах Юн почувствовал их неуверенность; пожав плечами, он первый направился к спуску, встал на четвереньки, как-то очень деловито исчез в черном провале. Петя пошел туда, где только что был их проводник и хозяин. Слизкие ступени, грубо вырезанные в глине, вели вниз. Петя легко встал на первую, нашупал ногой вторую... Для этого ему пришлось почти лечь и сползти, животом прижимаясь к земле. Такой оказался он весь, этот путь в недра Земли. Слева – черный провал неизвестно какой глубины. Справа – стена, то из глинистых натеков, то из камня. Так и ползи, прижимаясь к стене, стараясь не уплыть, когда глина предательски скользит под рукой или ногой. Так и ползи, в полной черноте сдавленного неподвижного воздуха, неизвестно куда.

Внизу сопит Аах Юн, сверху ползет Вальтер и еще несколько человек. Петю немного угнетал не сам по себе странный путь, а молчаливость людей из пещеры. Потом, когда можно было взглянуть на часы, он удивлялся, что путь продолжался не больше десяти минут – тогда

казалось, они ползут часы. Петя поднял голову туда, где слабое мерцание показывало – там горит костер. Но расстояния определить никак не мог.

Руки и ноги дрожали, когда Петя обнаружил, наконец, что его ноги стоят на твердой земле. Ступеньки кончились, Аах Юн сопел, как паровоз; так же сопели и остальные, облегченно сползая со ступеней. Вальтер включил было лампочку на лбу; Аах Юн тут же знаком велел ее выключить. Какое-то время сопящая толпа молча стояла в кромешной темноте, в недрах Земли. Только Аах Юн что-то тихонько бормотал время от времени. И вдруг вспыхнули факелы! Петя не заметил, кто и как их зажег... Факелы не разгорались, их не разжигали, не добывали огонь. Высущенные сосновые палки вдруг загорелись – и все. Запахло смолой, но кроме сосны, был еще какой-то душный запах; в красноватом мерцании стало видно окружное пространство площадью около шестидесяти квадратных метров. Стены и пол – плотная осклизлая глина, потолка «комнаты» не видно.

Аах Юн подтолкнул Петю к противоположной стене. Тут на стене вырезали на глине очень мохнатое существо... Размером с крупного медведя, существо соединяло в себе черты мамонта и человека. Жуткие глаза с вертикальным кошачьим зрачком отражали жестокость, ум и еще что-то, совершенно не передаваемое словами. Весь вид у существа был такой, что сразу видно: людей оно не особенно жалует, и на его пути лучше всего не попадаться. Изображение оказалось настолько неприятным, что Петя невольно попятился.

– Стой!

Аах Юн положил на плечо Пете руку, начал что-то говорить нараспев. Чадили факелы, плясали тени, принимая самые причудливые формы. Петя вдруг начало казаться, что жуткая тварь зашевелилась.

Аах Юн схватил Петину руку, сделал мгновенный жест... Петя вскрикнул, рванулся... Легче было бы вырваться из объятий здоровенного медведя, так крепко схватил его дикарь. Аах Юн даже не сдвинул с места, а Петина кровь потекла из глубокого пореза. Без малейшей брезгливости Аах Юн обмакнул в эту кровь свою ладонь, стал брызгать на морду жуткой твари.

– Помогай!

Поняв, что все равно не освободиться, Петя сам брызнул кровью туда же. Невольно он вспомнил, как шаманисты принесли в жертву человека... Далеко, на Тибетском нагорье.

Тварь тихо, зловеще зашипела.

– Теперь ты!

Вальтера подтолкнули к барельефу, Аах Юн так же вскрыл ему запястье острым кремниевым отщепом, брызнул кровью на изображение. Он опять заговорил нараспев, повторяя какие-то слова. Изображение задвигалось... Петя помертвел, решив – сейчас тварь соскочит со стены. Она не соскочила, но глаза задвигались, морда зашевелилась, хобот сокращался, нагло вынюхивая кровь.

Аах Юн запел, заговорил речетативом. Странно звучали его древние слова, предки и славянских, и германских. Порой и Петя и Вальтер улавливали что-то знакомое, но угадывалось в этих непостижимых звуках что-то древнее неимоверно, еле понятное. Тварь вдруг приподняла голову, хобот до конца оторвался от стены, ловко сунулся к кисти Вальтера. Ваал Саам всосал, сколько было крови, ловко сунул конец хобота в рот, как это делают слоны. Вальтер вскрикнул, попытался отодвинуться. Аах Юн прикрикнул – то ли на Вальтера, то ли на тварь.

А тварь утробно заухала, довольно прикрыла невероятные глаза... и начала что-то отвечать. Натурально отвечать, странным свистящим шепотом, словно у нее не было голосовых связок. Несколько минут длился этот страшный диалог, все на том же древнем языке. Ничего невероятнее не видел Петя за всю свою жизнь, даже в Шамбале. От внезапной, хотя и легкой раны, от странных запахов, от духоты, от разговора с чудовищем у него так закружилась голова, что больше всего Петя боялся упасть на каменистый пол пещеры.

К счастью, действие все же закончилось. В какой-то момент изображение перестало двигаться, голоса стихли. Была стена с неподвижной жуткой тварью, морда заляпана кровью. Были крупные светловолосые люди в кожаной одежде, были шипящие факелы. Не утруждая себя речью, Аах Юн махнул рукой: можно было двигаться назад.

И опять полз Петя, теперь наверх. Плюс ко всему еще и саднила рука, но лезть наверх оказалось все-таки попроще.

У костерка все так же в той же странной позе сидел человек, положив голову на собственное колено. Так же ровно горел костер, охватывая крупные кости: судя по размерам, слоновый. Аах Юн долго молчал.

– Ваал Саам принял жертву. Теперь вы тоже его дети... Вот камушки... Не простые камушки, не думай.

Аах Юн протянул Пете пригоршню светлых камушков – кажется, мелких кремешков.

– Ваал Саам породил людей, мамонтов и кремень. Мамонтов больше нет, но люди есть. Когда будет нужно – брось эти камни; неважно куда, ты их просто брось, и мы придем. Мы придем, и плохо будет тому, кто встанет на нашем пути.

Петя взял кремни, сунул в карман.

– Бери и ты, второй человек.

Вторая пригоршня камней перекочевала в карман Вальтера.

– А вот камень, который тоже можно бросить... Но тогда придем не мы, придет Ваал Саам. Он придет, и ему нужна будет жертва... Три жертвы.

Аах Юн выбросил три пальца на руке, потряс пред лицами Пети и Вальтера.

– Запомни: три жертвы, не меньше! Он возьмет твоих врагов, но если не будет трех жертв – Ваал Саам возьмет тебя самого.

Аах Юн помолчал, сунул Пете и Вальтеру по крупному темному желвачку.

– Если нужно будет укрыться от злых чудовищ, вы всегда можете жить здесь, сколько хотите. А место, чтобы перенестись, куда вам нужно – вот тут. Видите?

В стене темнела ниша – еле повернуться двум людям. Это место предстояло запомнить...

Друзья не заметили момента, когда огонь вдруг исчез. Они стояли в полной темноте – особенно страшной, что к ней не привыкли глаза. Вальтер первым включил лампу на лбу. Жерло шахты чернело на месте. Ниша, откуда можно трансгрессировать, темнела рядом. Побрякивали камушки в кармане, саднила расплосованная кисть. Но вот костра не было, и не было людей в кожаных комбинезонах.

Назад шли молча, совершенно не хотелось говорить. Не снимая «пещерных» комбинезонов, вышли в привходовую часть, постояли, привыкая к яркому солнечному свету. Опытный Мишель адаптировался быстрее, пошел дальше сам, а Вальтер выщелкнул по сигарете себе и Пете.

– Хорошо, что все позади.

– Подожди, там эти бомбы непонятные... Приораты... Иллюминаты...

– Лучше уж приораты, чем Ваал Саам.

Петя зябко передернулся плечами.

– Ты прав... Хорошо, нам больше туда не лезть.

Петя энергично кивнул, хотя и тут почему-то было очень неспокойно на сердце. И тут же напрягся, встал в сторожную позу бойца: Мишель бежал от выхода в пещеру.

– Там... там...

Некогда было разбираться с его заиканием. Оба кинулись к выходу. Мишель скользил, жалко рысил за ними следом. Опасливо, осторожно двигались парни, держа наготове ружья. И ничего не случилось. Никто не затаился у входа. Никто не собирался всаживать пули в выходящих. Но только и машины тоже не было. Железная руина, почти переставшая дымиться; среди дико торчащих кусков металла – ошметки человеческого тела. Ничего даже отдаленно

похожего на жизнерадостного господина Жака, разве что залитая кровью кисть руки, судорожно вцепившаяся в оплетку руля. Кровь пропитала сиденье, в почерневшей крови – обрывки одежды, чего-то розового, багрового, желтого, вянувшего. Не хотелось вникать, чего именно.

«Ваал Сааму столько и не снилось», – нелепо подумалось Пете. И еще подумалось, что сыну господина Жака, Дучу-младшему, придется раньше времени сделаться хранителем шато.

Вальтер сторожко обошел обломки машины, принюхивался. Петя тоже подумал, что пахнет чем угодно, но не порохом. Странный был запах, незнакомый.

– Давай обратно...

Вальтер кивнул. Отходя, Петя почему-то захотел перекрестить обрывки господина Жака. Вальтер сделал то же самое.

Теперь они курили, и руки парней нехорошо подрагивали время от времени. Плохо... Еще хуже, что все время рядом скулил Мишель. Может, и хороший человек, но на такие дела он ну совершенно не годился. Вот Вальтер воевал так, что Пете учиться и учиться: внимательно глядел во все глаза, а руки почти и не дрожали.

– В Крепости все знают... Телепатическая связь. А нам сейчас приходится обратно... И трансгрессировать из пещеры... скажем, в Париж. Нам необходимо понимать, с кем мы имеем дело.

Петя кивнул.

– А с этим убогим что делать?

– Отдадим его Аах Юну.

– И его принесут в жертву Ваал Сааму...

– Он все равно ни на что больше не годится.

Вальтер сказал это с неожиданной злостью. Петя посмотрел на события с неожиданной для него стороны: действительно, идет война, и наверху лежит разорванный в клочья человек, убитый на этой войне. ИХ убитый. Ну и какого черта возиться с ничтожным человечком? Думать надо, как остановить врага, а Мишель тут совершенно не подмога.

– Пошли?

Но Мишель идти не хотел. Он хватал за руки, что-то бормотал, тряс заплаканным глупым лицом. Какое-то время друзья волокли его силой, потом запыхались, остановились.

– Мишель... Там опасно, надо идти в пещеру.

– Да... опасно... Опасно... Жак!!! Жак! Жак Дуч!!! – вдруг истерически заорал он. Эхо нехорошо откликалось, многократно затухая в глубинах. Мишель сел на землю и зарыдал.

– Оставим его тут?

– Да... Черт с ним, пусть разбирается Аах Юн.

И друзья направились в пещеру. Они еще не знали, что совершают довольно серьезную ошибку.

Глава 3

Жаркий Париж

И опять стало очень темно. В пещере понятно почему... А тут?! Вроде еще ясный день... Но там, где очутились друзья, тоже царила кромешная тьма. Опять пещера?! Нет... Тут было не так темно, как в пещере... и не как ночью в подвале шато... Стоило глазам привыкнуть, и уже получалось что-то разглядеть; даже сочился откуда-то сверху тоненький, еле заметный лучик света. И к тому же отвратительно воняло.

Вальтер стиснул в руке пистолет:

– Я вообще не вижу тут выхода!

Петя видел – друг откровенно занервничал; видеть психующего Вальтера само по себе было забавно и странно. Особенно потому забавно, что Петя уже начал понимать, где они, и его невольно разбирал смех. Глаза привыкали к темноте... Все верно! Начали угадываться какие-то стеллажи, на них банки, груды нелепых узлов и ящиков на полу... Круглые зеленые глаза полыхнули высоко над друзьями, на стеллаже.

– Ты заметил?!

Шипящий вполголоса Вальтер уже вел стволом в сторону глаз; не дай бог додумается выстрелить!

– Вальтер, ты что?! Кота не видел?

– Кота?!

– Ну да... обычного домашнего кота.

Вальтер замер безмолвной статуей: напряженная бесшумная фигура, еле угадываются черты лица в темноте.

– Вальтер, а у вас в замке есть подвал?

– Подвал?

– Да... Подвал, в котором хранится всякое ненужное барахло?

– Наверное есть... А что? Ты хочешь сказать, мы в подвале?!

– Ну да... Такие бывают и под домами на много квартир.

У Вальтера даже челюсть отвисла... Ствол уплыл в сторону и опустился.

– А воняет почему?!

– Потому что нагадили кошки...

Вальтер стал вполголоса произносить нехорошие фразы, в которых причудливо сплетались гром, молния, черти и шлюхи дети. А Петя уже искал, и довольно легко нашел выход: хлипкую деревянную дверь, запертую на плохонький замок. Он нажал, ощущая податливость плохо сколоченных досок... Дверь сразу же заскрипела, подалась.

Темный прохладный коридор, в него выходят двери других подвалов. Точно такой же коридор видел Петя под множеством питерских домов... Разве что тут было потеснее. Вот и выход: щелястая дверь, сквозь щелки лупят снопы яркого полуденного света. Дверь никто и не думал запирать.

Друзья стояли в тесном внутреннем дворике, между высокими стенами. Опять волна смрада, но уже совершенно другого: соседство мусорных баков. Петя озирался, никак не в силах определить, где же выход... Его взгляд уперся в открытое окно. Из окна второго этажа в упор смотрела на друзей, опиралась умопомрачительной грудью на подоконник перезрелая красотка... Не расплывшаяся, но такая... Несколько избыточная плотью. Круглые, как у совы, глаза красотки внимательно наблюдали, рот улыбался. Поймав Петин взгляд, красотка в пестром халате заулыбалась еще сильнее, помахала рукой. Спросить у нее? Но Вальтер уже тянул мимо, в какую-то дверь...

– А ты откуда знаешь, что сюда?!

– Потому что это внутренний дворик... Выходят в него из подъезда.

Ныряя в дверь, Петя оглянулся... и тут же смущенно отвел глаза: красотка стояла выпрямившись, халат распахнулся... Красотку мало волновало, что выпирала грудь под тонким полотном ночной рубашки. Но она уже не улыбалась.

– Вальтер, ты что тут делаешь?!

Вальтер задумчиво осматривал почтовые ящики, словно никогда не видел ничего подобного.

– У нас какая квартира? Литера Е? Так ее в этом подъезде нет...

Петя еще раз убедился – Вальтер из этого мира, из Европы.

– С улицы должен быть еще один подъезд!

Улица шириной метров десять, при высоте домов в шесть этажей больше всего походила на щель, возле земли всегда полутемно. Вывески на незнакомом языке, велосипеды. Какой-то очень французский господин в высокой шляпе, с длинными усами.

Все это Петя видел буквально одним глазком, считанные мгновения, – пока Вальтер звонил и беседовал о чем-то с дородной теткой... чем-то тетка напоминала виденную в окне... Но та тетка сперва улыбалась, а потом почему-то перестала. А эта наоборот: хмурилась, пока Петя нырял в получьму соседнего подъезда, а после этого расплылась во весь рот. Полился поток булькающих звуков... Петя был не в силах понять хотя бы, где кончается одно слово и начинается другое. Петя понимал, что эта тетка – консьержка, она проверяет, кто куда идет, и открывает дверь. Но консьержек до сих пор он не видел и не очень был уверен, что они на самом деле существуют.

А Вальтер уже тащил его по лестнице. «Он тут как рыба в воде»... – ошарашенный темпом, подумал Петя про друга.

Лестница тоже была очень французской, эта широкая лестница с коваными решетками... Сколько таких лестниц повидал Петя в Петербурге, а все же именно эта от них отличалась... Он сам не мог объяснить, чем, но разницу отметил очень четко.

Петя ступил на верхнюю площадку – а Вальтер уже беседовал с открывшей горничной – смешливой, хорошенкой, в полосатом платье... Петя только слышал про такие и вообще в существовании горничных был уверен не больше, чем в существовании консьержек.

Жертва эксплуатации? Но «жертва» вела себя независимо, даже несколько развязно, на вкус Пети: вовсю стреляла глазками, тараторила без перерыва. Вальтер щелкал каблуками, старательно вязал французские слова (у него начало и конец слова Петя слышал), – а красотка задержала на Пете взгляд... Это был взгляд, от которого сердце Пети почему-то затрепетало и ушло в пятки... «Как самолет в воздушной яме...» – подумал Петя. Взгляд повторился... Еще раз... снова и снова сердце у Пети срывалось в штопор, как скоростной лифт в недра Шамбалы.

Девушка двинулась куда-то, парни за ней.

– Нас велено провести сразу... Как появимся, – шепнул Вальтер.

Стоило бы обратить внимание на гравюры на стенах, на дорогие обои в коридоре... наконец, на роскошную люстру... Петя же видел только узкую, как у подростка, спину девушки. Кровь так стучала в виски, что трудно было различить внятный шепот Вальтера под ухо. А стрекотание горничной по-прежнему сливалось в нечленораздельный поток звуков.

И профессора Петя разглядел не сразу... Потому что на пороге комнаты девушка пропустила его вперед, тяжелая грудь проехала по его руке... Петя задохнулся, кровь бросилась в лицо. Парень искоса взглянул на девицу, встретился с веселыми шальными глазами... И сердце опять ухнуло вниз, звон крови в ушах не давал ничего слышать.

А Вальтер уже жал руки профессору д`Антркасто. Да! Это был настоящий профессор! Высокий, красивый, полуседая грива на плечах. Профессор и дома был в бархатном коричневом пиджаке, с шейным платком вместо галстука. Рассеченное морщинами аскетичное узкое

лицо, проницательные умные глаза – две блестящие ягоды терна. Лилась быстрая французская речь.

– Впрочем, – отнесся профессор к Петру, – я вижу, вы плохо понимаете французский…

– Я его совсем не понимаю…

– Русский?! И не знаете французского?!

– Он из эсэсэсэра… – мягко напомнил ему Вальтер.

Кристофф д'Антркасто все равно выглядел ошарашенно.

– Я понимаю по-немецки… И по-английски…

– Весь мир говорит на французском! – отрезал профессор. – Это вопрос общей культуры.

Но мы, конечно, будем общаться на знакомом вам обоим языке… Итак, мой друг Жан Дуч уже не существует в этом мире…

Профессор размашисто перекрестился, поцеловал стоящее на столе распятие: большое, почти в метр, темного дерева. На какое-то мгновение он встал, опустив голову: поминал погибшего друга. И все, он уже опять работал.

– Значит, так… Сейчас вам покажут, где вы будете жить. У меня часто бывают люди, прислуга надежна. Сейчас мы пообедаем, я познакомлю вас с еще одним очень полезным человеком… Потом вы можете изучить материалы, можете отдохнуть. А можете идти делать свои дела в Париже… У вас ведь есть в городе дела?

– Есть… Лучше мы сделаем их сразу после обеда, а материалы посмотрим ночью.

Петя только кивнул головой вслед словам друга: Вальтер спланировал правильно. Д'Антркасто наклонил большую косматую голову. Наклонил и тут же позвонил в колокольчик на столе. Впорхнула прежняя горничная. Она смотрела только на профессора, но все равно Пете опять сделалось трудно дышать.

– Комната господам готова?

– Да, месье.

– Показать комнату. Обед на три персоны. Прислуживаете вы и Жан.

Петя понимал – профессор не груб, он просто живет в мире, где прислуга – обычнейшее дело. Он отдает безличные распоряжения, глядя поверх головы, потому что так и положено. Петя старался видеть и слышать хозяина дома… внимание плыло, раздавалось, потому что девушка опять вела его по коридору… Правда, вести было особенно и некуда – два шага.

– Проходите, месье…

Девица пропускала Петю, вжалась в стену. Она чуть-чуть подалась вперед… очень мотивированно подалась. Тяжелая грудь впечаталась в Петино плечо. Глаза девушки оказались сантиметрах в двадцати от повернувшихся Петиных глаз.

– Ах, извините, месье, я бываю такая неловкая…

При всем желании, даже зная язык, пунцовий Петя не мог бы ответить: из горла рванулся какой-то сдавленный хрип. Вальтер хмыкнул, за руку вдернул его в комнату.

Комната оказалась: две кровати, между которыми еле можно пройти, две тумбочки в головах. На каждой тумбочке – кувшин и миска для умывания. Даже в Шамбале не видел Петя таких тесных комнат. И в купе тоже было просторнее.

– Не повернуться…

– Эта комната еще очень даже просторная… комната для самых близких гостей. Думаю, спальня профессора не больше, в комнатах прислуги куда теснее. В квартире две большие комнаты: библиотека и столовая.

– Я думал, богатые люди живут в целых домах, в больших квартирах…

– Петя, я понимаю, ты ничего не видишь, кроме Жаннетт… но ты все же будь повнимательнее, а?

– И что же я пропустил?!

– Квартира, в которой мы находимся, – только часть квартиры в доме, который построили лет двести назад. Кованая решетка балкона… помнишь?

Петя неуверенно кивнул.

– Так вот… по балкону видно, что квартиру разделили на две. Люди, одинаковые по богатству, стали довольствоваться жильем потеснее, чем два поколения назад.

– А умываться… Умываться вот из этих кувшинов?!

– А ты думал? Отлично умоемся.

Вальтер говорил с юмором: видно, что ему весело от недоумения Пети. Все-то для него здесь привычно: и тесная комната, и умывальный кувшин.

– Понимаешь… Я привык умываться под струей воды. Тут же не успеешь умыться, а вода уже кончилась.

– А ты налей в таз, сколько надо. Налил – и мойся себе.

– А куда сливать грязную воду?

– Потом прислуга сама сольет.

– А я так и буду мыться в грязной воде?!

– Так это же твой собственный кувшин и твой таз! Там только твоя собственная грязь. Курсантом я летом мылся в речке, а вот зимой – в общем тазу. Таз был на десять человек. Один умоется, потом второй, третий… Седьмой умывается уже в черной воде.

Чистоплотный Петя содрогнулся.

Вальтер говорил весело, почти смеялся, а у Пети что-то ломалось в сознании. Он привык, что умываются в текущей воде и что воду не надо экономить. В России из рукомойника, под струйкой, умываются даже в деревне.

И еще он привык считать, что в Европе – цивилизация… культура… Нам в России надо еще расти до этой культуры… Париж – это же город-светоч! Город, в который всю жизнь стремился Пушкин… Город Парижской коммуны… Центр самой прекрасной в мире Франции… А в нем, оказывается, профессора моются так, как в России не будет умываться даже его сосед по коммунальной квартире, всегда вонючий пролетарий Запечкин.

– И у тебя в замке тоже такие кувшины?!

– Петя, ты подумал? Ну кто же будет проводить в замке водопровод?

Действительно… Замок – это тоже такая деревня…

– Хватит изучать собственную кровать! Пошли, зайдем еще в одно место…

В «одном месте» стоял унитаз, но без малейших признаков слива. И здоровенный бачок. В полнехоньком баке плавал здоровенный черпак.

– Ага… – Понятливый Петя осваивал заграничную премудрость. – Это в смысле, черпаком все и сливать?

– Можно самому и не сливать. Прислуга сливает, Жаннета твоя и сольет.

– Она не моя!

– Твоя, твоя… вон как смотрит. Я и так и эдак, а девушка все на тебя и на тебя… Сегодня у тебя будет самое настоящее парижское приключение.

Петя не выдержал и покраснел. Он, конечно же, слил за собой сам – его Жаннета или не его, еще посмотрим… но не надо за ним сливать девушке.

Обед был таким же парижским и таким же странным, как эти кувшин и бачок. Петя сидел в комнате с гравюрами на стенах, тяжелые шторы создавали полумрак, гасили шум проезжей улицы. На белоснежной скатерти – прибор с двумя ложками, тремя вилками. Петя понятия не имел, какую из них для чего использовать. Он просто наблюдал за другими – что именно они берут и когда. Вальтер брал большую серебряную ложку с монограммой? И Петя брал такую же ложку. Профессор брал широкую вилку с короткими зубьями? И Петя хватал точно такую же. Не промахнулся Петя! Не промахнулся потому, что упорно не делал того, чего бы до него не делали другие.

А то вот стояла на столе перед каждым чаша с водой. Вода пахла чем-то вроде лимона, а пить хотелось все сильней, просто неимоверно. Петя все примеривался к чаше, но никто из таких же точно чаш не пил... И хорошо, что Петя не попил этой лимонной воды, а то после второй перемены блюд профессор вдруг окунул в воду пальцы и вытер салфеткой. Вот оно! Вода-то для мытья рук после жаркого! Петю жаром обдало при мысли, что он мог выхлебать воду из своей чашки.

Как не походил весь этот обед на все знакомое Петя! Прислуга в белых перчатках разносала еду... Петя не умел принять тарелку, зазевался... И к лучшему, потому что Жаннета сама ловко поставила перед ним суп, потом второе. Всякий раз она ухитрялась прикоснуться к Петя – и руками, и грудью. Всякий раз у Пети становилось сухо во рту, а мышцы живота подтягивались сами собой, но он все же внимательно слушал: очень уж важные и увлекательные речи звучали за этим столом.

Полноценными участниками обеда оказались еще громадные коты: рыжий и черный. Накрыли им, правда, не на столе, а рядом, на пуфике, поставили каждому по три миски разного размера. Коты так аккуратно лакали суп, так по-французски деликатно ели жаркое, что Петя не удивился бы, найдя у котов в лапах вилку и нож.

– Ромей! – представил черного кота профессор, и Петя показалось: котище ему вежливо кивнул. – А знаете, почему Ромей? Потому что такие черные коты пришли из Италии, их к нам завезли римляне.

– Норманн! – представил он рыжего: рыжих завезли из Скандинавии.

Четвертым за столом сел гость профессора, небольшого роста, средних лет жилистый дядька. Одет в штатский костюм, но во всей подтянутой, крепко сбитой фигуре, в четком, выкованном лице сразу чувствовался офицер.

– Не надо, месье Селье... Обращайтесь ко мне Франсуа... Если вам неловко, пусть будет месье Франсуа.

По словам месье Франсуа, он сам и такие, как он, недавно остановили в Париже революционный переворот.

– А начал его ваш, Пьер, соотечественник, эмигрант из России... – рассказывал Франсуа. – Это сын зубного врача из Киева, Александр Стависский. У него уже в России было три судимости, он даже у отца крал золото для зубов. Большинство эмигрантов очень нуждались, но вот семейство Стависских и во Франции себя чудесно чувствовало. Стависский сделался даже экспертом в полиции – экспертом по России, представьте себе! Жулик жулика видит издалека, не слыхали такую поговорку?

Петя кивнул.

– Ну вот! Стависского продвигал префект парижской позиции, корсиканец Дан Кьян... кумиром у него был Наполеон, а мечтал Кьян о диктатуре... с собой в роли диктатора, конечно! Для начала Кьян наводнил всю полицию своими земляками и сторонниками. Политика – дело не дешевое, а где взять денег? Где! – вскричал Франсуа, картино разводя руками.

Петя пожал плечами: он тоже не знал, где взять деньги.

– Все знают, что Кьян вовсе не даром покрывал, как мог, откровенного жулика Стависского. Потом всплыло, что «помогали» Стависскому и члены правительства, и члены Национального собрания... Тоже не даром, конечно!

А Стависский заключил с мэрией Парижа договор на строительство жилых домов. Под контракт выпустили заем на сто миллионов франков... То есть должны были выпустить на сто миллионов... До сих пор никто не знает, на сколько выпустили, но доподлинно известно: уже когда Стависский объявил себя банкротом, он вроде бы присвоил порядка шестисот пятидесяти миллионов франков... вроде бы потому, что, может быть, денег он украл и намного больше... Кто знает?

– Значит, все-таки Стависского поймали? – перебил Вальтер.

Франсуа замотал головой.

– Как чаще всего и бывает, правду первыми признали журналисты. Сенсационные разоблачения афер «месье Александра» шли на первых полосах всех французских газет.

– А Стависский сбежал за границу! – понимающе заулыбался Вальтер.

– Нет... Он до последнего надеялся, что высокие друзья защитят... И протянул время, пока даже Кьян ничего сделать уже не мог. Только полиция не арестовала преступника, полиция нашла свежий труп. Официально заявили про самоубийство, но журналисты быстро разнюхали: милейшего «месье Александра» застрелил полицейский агент Вуа. Застрелил – и бесследно исчез.

Вальтер шутовски сдвинул ладоши:

– Думаю, месье Вуа уже никогда не найдут!

– Я тоже так думаю... Но история Стависского вызвала натуральный политический кризис. У нас и до того кабинеты министров менялись как в калейдоскопе. А тут офицерские организации провозгласили «Поход на Париж»: пора менять это прогнившее правительство.

– Вы хотели сделать, как у нас, в Германии?

– Ваш опыт нам не годится... Мы привыкли к законности, к порядку.

– Гитлер принес Германии порядок!

– У нас так не пройдет... Про Францию говорят, что ее образуют сорок миллионов французов... Ничего подобного! Франция распадается на сорок миллионов французов. Вы просто не представляете нашей политической пестроты.

– У нас тоже масса партий, политических групп и группок.

– О-ля-ля! Не стоит сравнивать. Кривые улички Парижа помнят еще королей и их министров в напудренных париках, членов придворных партий. А сейчас по тем же уличкам ходят сторонники Троцкого, которые собираются строить коммунизм на основе самой передовой науки... А есть другие сторонники Троцкого, которые приносят огненные жертвы германскому богу Одину. По тем же парижским уличкам бегают коммунисты – сторонники Сталина, и другие коммунисты, которые тяготеют к германскому нацизму, и коммунисты-демократы. А есть еще и анархисты, у всех них отдельные организации... Анархисты то ли десяти, то ли двадцати направлений, и все они воюют друг с другом. А есть еще и социал-демократы примерно двенадцати разных направлений.

– Ну есть же какие-то общие правила...

– У вас есть, а вот во Франции – нет!

Франсуа Селье засмеялся, откровенно довольный тем, какая Франция особенная, отпил немного вина. Он огляделся с такой гордостью, будто сам придумал все эти организации, несущиеся в бешеном танце.

– Но вы-то кто? – спросил Петя. – Вы – фашисты?

– А кто такие фашисты? Одни из нас хотят сделать так, как в Италии, – там фашизм вырос из социализма.

– Социализма?! – изумился Петя.

– Вас это так удивляет? Когда Муссолини спросили, в чем суть его движения, он рявкнул: «Это улучшенный вариант социалистической революции в России!» А его самая любимая женщина была анархистка из богатой еврейской семьи, Анжелика Балабанова.

– У Муссолини было множество любовниц, – внес уточнение профессор.

– Но не все любовницы имели на него влияние, а Балабанова имела, – проницательно заметил Франсуа. – Так вот: одни фашисты хотят сделать, как в Италии. Другие – как в Испании, у генерала Франко. Это тоже фашизм, но скорее аристократический, чем социалистический. Третьи хотят восстановить монархию и сделать, как в Венгрии у адмирала Хорти. А есть и такие фашисты, которые ближе все-таки к нацизму. Между прочим, это почти коммунисты.

– У нас тоже есть нацисты, которые вышли из коммунистов… Мы их называем «бифштексы».

– Почему «бифштексы»?!

– Потому что они коричневые сверху и красные внутри, – заулыбался Вальтер.

Франсуа хорошо, весело засмеялся. Профессор гулко захохотал. Петя зябко повел плечами: рушился еще один важный для него стереотип.

– Удивляешься? – отнесся именно к нему Франсуа. – А коммунист Жак Дорио, сын рабочего, давно хотел создать Народный фронт: всех левых объединить. Он и Сталину это предлагал. Как вы думаете, почему отказал Сталин?

Петя пожал плечами. Он уже ни в чем не был уверен.

– А потому, что коммунисты Франции – в основном сторонники Троцкого. Сталин боялся такого фронта… И тогда рабочий сын Дорио все равно создал левый Фронт, – и националистический, и социалистический одновременно… Такой… «бифштексовый». Его тут же исключают из коммунистической партии. Ведь наша компартия – давно на содержании Коминтерна, то есть Советского Союза. Что в Москве скажут – то и сделает.

– С такими фашистами у вашей организации нет ничего общего! – уверенно тряхнул профессор полуседой гривой.

– Конечно, нет… Я просто объясняю молодым людям, до чего все не так просто в Прекрасной Франции.

– Так чего же вы хотели? Вы, именно вы? Ваша организация? – Вальтер даже подался вперед, он чуть не пронес кусок жаркого мимо рта.

– Мы хотели, чтобы правительство ушло… И передало власть нашим лидерам – таким, как граф де ла Рокк…

– Де ла Рокк? У нас писали, что он фашист и аристократ…

– И то и другое – чистейшая правда. Граф де ла Рокк – из старой титулованной семьи, его предки служили королям. Он не сделал потрясающей карьеры, дослужился до скромного чина подполковника… Но трудно описать, какой моральный авторитет он имеет.

И вы правы, он фашист, сторонник объединения нации, а не споров и ссор всех со всеми. Когда де ла Рокк позвал офицеров, тридцать тысяч человек стояли на площади перед резиденцией правительства, Бурбонским дворцом. Правительство заседало, депутаты толкали речи… А сами бросили на нас полицию. И мы ушли… Мы французы. Мы не хотели стрелять в других французов.

Франсуа усмехнулся. Усмешка получилась нехорошая.

– Вот, посмотрите… Этим мы остановили полицию…

Профессор жизнерадостно ухмылялся. Вальтер взял тяжелую трость, осмотрел… Недоуменно пожав плечами, передал Пете. Петя тоже не очень понимал, как такой тростью можно остановить вооруженных людей. Он вернул трость Франсуа, сделал вопрошающее лицо.

– А вот…

Франсуа Селье нажал незаметную кнопочку, на конце трости выскочило изогнутое лезвие самого устрашающего вида.

– Такими бритвами стоящие впереди подрезали поджилки лошадей… Лошади падали, сбивали других, мешали добраться до нас. Но мы не убивали полицейских! Полицию стали убивать красные, когда их отряды вышли на улицы. А мы ушли.

– Вы сами отдали власть! – выкрикнул Вальтер. – Надо было войти во дворец, разогнать правительство и создать свое.

– Мы во Франции, господа. У нас – законность. Мы не хотим гражданской войны. И так левые газеты призывали всех французов выйти на демонстрации под лозунгом «Против фашизации демократического государства».

– Тогда образовался левый «Народный фронт», – пожал плечами Вальтер. – «Народный фронт» взял власть, которую вы сами выпустили из рук!

– Да. Но мы не допустили гражданской войны. Что такое гражданская война, пусть лучше расскажет нам русский.

Селье кивнул головой в сторону Пети. Петя помотал головой:

– Гражданскую войну я помню плохо... Я был тогда еще совсем маленький...

Но Петя отлично помнил, как висели люди на деревьях по всем бульварам Севастополя, как их убивала пьяная дикая вольница. Он понимал логику, по которой надо было любой ценой предотвратить нечто подобное.

Прислуга стала разносить жаркое. Профессор наливал себе вина... Петя видел, что тут каждый наливает и пьет, что хочет, независимо от остальных. Он налил себе рубинового вкусного вина: не выпить хотелось, а пить.

– У нас тоже была гражданская война, – опять возразил Вальтер. – Она длилась долго, с самого конца мировой войны и до прихода к власти Гитлера... В конце концов мы ее выиграли: не дали красным захватить власть.

– Тогда и у нас была гражданская война... Французская гражданская война... только она получилась очень короткая, всего недели на две. Мы просто стояли... Стояли и молчали. Стоим, курим, а у каждого на правой руке плащ, и под плащом угадывается ружье... Некоторые и открыто ружье держат, но никто не стреляет. Стоим, смотрим...

Франсуа усмехнулся; ухмылка опять получилась недобрая. Петя почувствовал, что он бы сто раз подумал перед тем, как подойти близко к вооруженному Франсуа. Очень хорошо, что это «свой».

– А на мостовой проведена белая черта, мелом, – продолжал Франсуа. – Толпа остановилась у черты... Орут, красными тряпками машут! «Долой!» – кричат – «Долой белогвардейских горилл! Да здравствует социалистическая республика! Долой правых! Долой!». А черты никто не переходит.

– А если бы перешли?

– Тогда мостовые Парижа опять окрасились бы кровью французов. Как в далеком тыща восемьсот семьдесят первом. Но в том-то и дело – черты красные не перешли.

– Но власть вы им отдали! Это главное.

Франсуа развел руками.

– Пока отдали. Правительство Леона Блюма даже запретило наши организации. А мы их тут же опять создали под другими названиями.

Профессор весело захохотал.

– Этих ребят не уничтожишь!

– Да! – Франсуа говорил с явной гордостью. – Граф Жан-Франсуа де ля Рокк создал организацию из шестидесяти тысяч членов. Организация разбита на отряды, и у каждого – свой склад оружия. Все шестьдесят тысяч готовы выйти на улицы по приказу своего руководства. Мы отобьем любую атаку красных. Но мы не хотим стрелять во французов.

Петю заинтересовало другое...

– Позвольте! Но ведь сами же французы довели страну до бунта?! Ладно, Стависский – русский эмигрант...

– Еврейский эмигрант, – мягко поправил Франсуа. – Русская эмиграция очень плохо отзывалась о Стависском.

– Пусть еврейский... Главное, что эмигрант. А Кьян? А депутаты и члены правительства?

– Конечно, это были французы... Очень плохие французы. Точно такие же скверные, подлые люди, какие в России довели до революции в тысяча девятьсот семнадцатом.

– Подонки везде одинаковы! – вмешался красивый, грохочущий баритон профессора. – Это нормальные люди в каждой стране чем-то отличаются от других. Этим они и интересны

друг другу, все народы и все люди – что они разные! А негодяи, воры, проститутки, революционеры – они серые, как мыши, и везде одинаковы. Французских подонков вы никак не сможете отличить от русских, немецких или персидских!

Принесли десерт: какой-то вкусный мусс в красивых чашечках. Рука и грудь Жаннеты опять скользнули по плечу Пети... Было так интересно, что он почти не обратил внимания. Девушка бросила на Петю недоуменный взгляд... Петя одновременно посмотрел на девушку, продолжая слушать речи Франсуа, и тут же, не успев перевести взгляда, поймал веселые, все понимающие глаза Профессора. Ему стало и неловко, и смешно.

– Если вы придетете к власти, вы перебьете плохих людей?

– Нет, – засмеялся Франсуа. – Нет... Мы лишим их возможности делать гадости всем остальным... Например, возможности обогащаться за чужой счет.

– Так ведь Гитлер сделал именно это! – вмешался Вальтер. – Он лишил спекулянтов и преступников возможности получать громадные деньги за счет народа!

– Так же точно говорил американцам Рузвельт, а итальянцам – Муссолини. Разница в том, что Муссолини не только болтал. Перебить придется не их... И не дураков с красными тряпками.

Впервые за время разговора в голосе Франсуа прозвучала нешуточная злоба.

– Мы их уже семь веков не можем перебить, – серьезно ответил Профессор.

– Коммунисты не существуют так долго, – засмеялся Вальтер.

– Братья Сиона существуют, – отрезал Франсуа. – Коммунисты воображают, идиоты, что кому-то нужны их красные тряпки и бредни про равенство. А нужно от них только одно – сеять смуту.

– Похожие вещи говорил нам и Жак Дуч...

– Жак Дуч был умнейшим человеком... – заверил Профессор. – Я не слышал ваших разговоров с ним, но сразу скажу: принимайте всерьез все, что вам говорил Жак Дуч. Что бы вы ни затевали, кто бы вы ни были, помните: против нас идет очень опасный враг. Враг опытный, смелый, сильный. Враг, который не стесняется в средствах.

– Про Братьев Сиона господин Дуч нам говорил... Но если честно, мы поняли не все.

– Я подготовил вам материалы... мы, тамплиеры, очень многое знаем. Вам необходимо понять, кто хочет любой ценой увлечь мир в пропасть и зачем. Парни, мне не полагается знать слишком многоного про вас – но в любом случае вас послал Бог. Все мы – только орудия Высших сил.

Внесли кофе в таких крохотных чашечках, что Пете сделалось смешно: взрослые люди, а посуда какая-то кукольная. Профессор глухо ворчал, набивая роскошную трубку.

А Франсуа опять заговорил:

– Глупо говорить такое в наше время и людям в вашем положении, но все-таки – очень прошу быть осторожнее. Конечно, люди из моей организации будут охранять вас... мы будем следовать за вами незаметно, мы не помешаем вам. Но и вы не отказывайтесь от охраны. Если к вам подойдет человек... неважно кто. Это может быть продавщица цветов или разносчик газет... Если к вам подойдут и покажут вот такую половинку монетки – слушайтесь этого человека.

Франсуа показал разломанную, неровную половинку монетки в десять сантимов.

– Вторая половинка будет у нас? – деловито уточнил Вальтер.

– Соединять половинки может не быть времени, – очень серьезно сказал Франсуа. – Если вам покажут такую половинку... просто покажут – значит, человек от меня.

Он достал пачку сигарет, кивнул.

Парни поняли, что разговор уже окончен.

Глава 4

Все жарче

На выходе из дома Петя заметил двух людей средних лет: они стояли и беседовали о чем-то, показывая друг другу статью в газете. «Люди Франсуа Селье!» – стукнуло в голову. Мысль, что он так легко увидел слежку, была неприятна: значит, этих охранников так же легко «срисуют» и другие… Хотя, наверное, подумал Петя, есть и другие, которых как раз не видно. Из этих мыслей следует, что Петя начал приобретать некоторый опыт тайных дел.

Стояла вторая половина дня по понятиям европейцев, полдень – по представлениям Пети. Начало сентября – а город плавился от жары.

- Ты обратил внимание, Вальтер, какие тут узкие улицы? И какие есть узкие дома…
- Тесно… В Париже мало места. У нас шире и улицы, и дома.
- В Петербурге они еще шире.
- Наверное, ведь у вас земли еще больше.

Множество нарядно одетых людей праздно гуляли по Парижу. Неужели они не работают? Не меньше парижан так же праздно сидели в кафе. Судя по выражениям спокойно-скучающих, привычно-бездельных лиц, никто из сидящих под тентами или за стеклом веранд не думал никуда торопиться. Так и будут сидеть весь день?!

Сидельцы с интересом рассматривали проходящих. Проходящие так же бесцеремонно, в упор, рассматривали сидящих. Парни прошли буквально несколько кварталов, а Петю начало раздражать это массовое пустое любопытство.

- Интересно… Вроде бы в Париже никакого праздника нет?
- Нет, Петер, никакого праздника. Каждый день и вечер они вот так и фланируют по улицам, сидят в кафе. Мой дед всегда удивлялся, что они не умирают и не сходят с ума от скучки. Он как-то пытался убедить парижан хоть чем-то заняться…
- Они послушались?!

– Нет, конечно. Собралась толпа, долго слушала, кричала и шумела… А потом разбрелась и еще дня три обсуждала деда: представляешь, настоящий немецкий генерал ходит по улицам, да еще что-то болтает! Дедушка их очень развлек.

Петя невольно смеялся. Справедливости ради, некоторые люди в кафе о чем-то разговаривали, иногда с очень серьезным выражением лиц.

- Тут в кафе и о чем-то серьезном говорят?
- Мы же идем встречаться по делу? Так и многие в Париже… И у нас в Германии в кафе встречаются обсуждать дела, заключать сделки. Но у нас люди сделали дело и ушли. А эти так и будут сидеть до того, как наступит время идти спать.

- Они вообще хоть чем-то занимаются?!
- Не все… Ты знаешь, кто такие рантье?
- Те, кто живут на проценты с капитала… Верно?
- Верно. У них вообще нет работы. А у мелких служащих рабочий день короткий, многие свободны часа в два, в четыре…
- На улицах и женщин полно. У них нет домашней работы?
- Какой именно? Стирают прачки. Убирает домашняя прислуга. Еду готовит кухарка… Это у богатых людей. А поесть можно и в кафе. Некоторые квартиры здесь так и делаются – без кухонь. Зачем? Все равно все ужинают в кафе.

Петя зябко повел плечами: такая бездомная жизнь без кухни, трудами прислуги, показалась ему до крайности неуютной.

…А Владислав Сикорский был орел. Он очень скромно держался, этот средних лет человек в кафе с французской газетой в руках, и все же в нем легко было увидеть военачальника.

В своем советском прошлом Петя знал о Сикорском только то, что он вместе с Пилсудским возглавлял силы «белополяков» и громил Красную Армию. Это он бросал в бой против коммунистов из Советской России польских собратьев по революционному классу: обманул польских рабочих националистическими лозунгами.

Вальтер знал чуть побольше: что в двадцатом году Красная Армия рвалась на Варшаву, гибель новорожденного Польского государства казалась совершенно неизбежной. «На Варшаву! На Берлин!» – звали советские газеты. Всерьез печатались статьи о том, какие именно советские республики «должны» появиться на месте Польши и Германии…

Казалось – вот прямо сейчас красная конница перевалит Карпаты, кипящей лавой хлынет по открытой во все стороны европейской равнине… А собеседник наших друзей к тому времени создал едва ли не лучшую в мире службу разведки. Польские шифровальщики взломали шифры у всех русских армий: и у белых, и у красных. Они ясно видели картину всего, что происходит на фронтах Гражданской войны – от серых волн, набегающих на мурманский берег, до пронзительной синевы Черного моря.

Красная Армия рвалась на Варшаву. Ее вожакам уже виделись толпы, кричавшие славу республике советов на площадях Вены и Берлина, комиссары Рима и Парижа, красноармейцы, поясные лошадей из Луары и Сены… какая разведка! Какой анализ! Какая может быть осторожность! Завтра Европа станет красной от крови, под кумачовым знаменем коммунистов.

…а польская разведка, «Отдел-два», дешифровали больше четырехсот радиодепеш, подписанных Троцким, Тухачевским, Якиром и Гаем. Командование Войска Польского знало оперативную информацию о перемещении чуть ли не каждого подразделения РККА в любой день и чуть ли не час. Две красные армии разошлись – одна на Львов, другая – на Варшаву, в сердце Польши. И тут ударная польская группировка, сто двадцать тысяч бойцов, внезапным ударом прорвала фронт, вклинившись между расходящимися красными армиями.

Самолеты на бреющем полете били из пулеметов в перепуганное красное стадо. Красноармейцы драпали, как крысы с пылающего корабля. Отец и многие из старших мужчин приводили Вальтеру этот пример в доказательство: как важна военная разведка. Они посмеивались над Тухачевским: до конца своих дней не мог забыть Тухачевский этого поражения. Ни одного дня не дал он себе отдохнуть от злобной ненависти к победителям, утверждая на всех заседаниях правительства: Польша и есть главнейший враг Советского государства!

И Вальтер, и Петя знали – генерал Сикорский, творец «чуда на Висле», вынужден был сдать дела и уехать из страны: Пилсудский не терпел «конкурентов». Оба знали, что Пилсудский хотел захватить Белоруссию и Украину, создать государство «Междуморие»: от Балтийского моря до Черного.

А Владислав Сикорский всегда считал: надо дружить с немцами, не обижать русских, дать свое государство украинцам.

– Вы двое – прямо как олицетворение наших вечных врагов, – усмехался легендарный генерал Петя и Вальтеру.

– Поэтому вы и готовы говорить с нами и по-русски, и по-немецки?

– И поэтому тоже: врага необходимо знать получше.

Генерал усмехался. Как и большинство сильных людей, он производил впечатление человека жизнелюбивого, добродушного. Чувствовалось – генерал хочет хорошо относиться к своим собеседникам. Если придется отнести к ним иначе – он окажется разочарован.

– С немцами особенно важно дружить… Вы же знаете, я хотел строить независимую Польшу в тесном союзе с Австро-Венгрией… И с русскими надо дружить… – уточнил легендарный генерал, круто разворачиваясь к Петя. – Имейте в виду: Вильнюс и Львов я вам не отдам, границы пусть остаются нерушимы. Но мы ничего не добьемся, захватывая земли на

востоке, в которых уже не живут поляки. Польше нужны не территории, Польше нужны надежные союзники...

– У Пилсудского было другое мнение, – мягко уточнил Вальтер.

– Пилсудский как политик – полный нуль, – огорошил собеседников Сикорский. – Не успев создать свое государство, он ухитрился поссориться со всеми соседями.

– Но ведь так же думают и преемники Пилсудского, президент Мостицкий и его правая рука, маршал Рыдз-Смиглы! – Вальтер для убедительности даже наставил палец на собеседника.

– Игнатий Мостицкий – политический нуль, – внес ясность боевой генерал, творец «чуда над Вислой». – И Эдвард Рыдз, по кличке Смуглый – тоже нуль. Полный дурак и задавака.

– Почему по кличке? – заинтересовался Петя.

– Потому что настоящая его фамилия – Рыдз. Простонародная такая. А если объединить фамилию и кличку Смуглый, получается вполне даже аристократическая двойная фамилия, Рыдз-Смиглы.

Сикорский ехидно улыбался, умные глазки засияли.

– Но власть именно у них! – не отставал умный Вальтер. – Вы их ругаете, а принимают решения они.

– А вы что, приехали предложить мне власть? – продолжал усмехаться Сикорский.

– Генерал, у нас в мешках не лежит корона польского короля... И мы не полномочны возложить ее на вашу голову... Но мы вполне серьезно спрашиваем: если вам помогут встать у власти – что вы будете делать?

Сикорский продолжал улыбаться, но все более напряженно.

– Насколько я понимаю, вот такие вопросы вы задавать полномочны? И если полномочны – от кого? Надеюсь, вы не будете утверждать, что вас послали правительства эсэсэсэр и Третьего рейха?

– Нас послали очень серьезные люди... Люди, которые будут посильнее даже правительства могучих государств.

– В чем же именно пославшие вас могут быть сильнее правительства? – мягко спросил генерал. Он склонил голову к плечу, глаза смотрели напряженно, как два дула. – И не могли бы вы выразиться яснее, кто они, эти пославшие вас?

Сикорский уже не улыбался.

– Это так удивительно, что вы можете нам не поверить. Но помочь мы можем оказать вполне реальную... – произнес Петя.

– Мы представляем тайную организацию... Организацию, которая себя не афиширует, – добавил Вальтер.

– Не надо рассказывать, что вы представляете разведки. Я сам создатель одной из разведок... Одной из лучших разведок Европы. Ручаюсь – вы оба не оттуда.

– Нет, не разведка, – обреченно вздохнул Вальтер. – Мы из Шамбалы... Только Шамбала не имеет ничего общего с теми сказками, которые о ней ходят.

При слове «Шамбала» Сикорский начал улыбаться, и улыбался все шире. Парни увидели – он расслабился, напряженное внимание исчезло. Не принимает всерьез!

– Пан Владислав... А что вас может убедить, мы и правда из Шамбалы? Что мы и сами умеем то, чего не умеют другие люди. И что нас послали те, кто могут и умеют еще больше?

Сикорский продолжал тихо и ехидно улыбаться, откинувшись на спинку стула.

– Ко мне еще в Варшаве приходил молодой человек, тоже говорил, что из Шамбалы, что умеет летать и читать мысли... Я попросил молодого человека немного полетать. Мне много не надо, сказал я, сделайте пару кругов под потолком, и все в порядке. Но молодой человек не стал летать, он тут же бесследно исчез.

Петя оглянулся. Полутемное кафе, почти пусто. Была не была!!!

— Летать под потолком я боюсь, — тихо, но четко выговорил Петя по-русски. — Боюсь, что присутствующие впадут в истерику: полицию вызовут или «Скорую помощь». Вам придется удовлетвориться парой кругов вокруг стола.

Произнося сии слова, Петя дважды обогнул столик. Для ненаблюдательного человека он быстро обошел столик, и все. Но двигался Петя в воздухе, с высоко поджатыми ногами, а возле Сикорского ненадолго зависал, давал рассмотреть себя, свободно висящего в воздухе. Плюхнувшись на место, Петя опять огляделся. Парочки ворковали, не замечая ничего и никого. Компания пожилых, хорошо одетых мужчин в углу смеялась, дегустируя вино. Только бармен вроде что-то заметил... видимо, Петя двигался все же несколько быстрее идущего человека. Бармен слатывал и тряс головой, как-то странно поглядывая на Петя.

Неосторожно? Да... Но зато Сикорский сидел с отвисшей челюстью, ехидная улыбочка погасла. Гасла и сигарета в углу рта.

— А хотите, расскажу, что вы сейчас думаете? И что думает... Ну, скажем, маршал Рыдз, по кличке Смуглый? — Вальтер говорил так уверенно, спокойно, так важно развалился на стуле, что Петя не выдержал — в знак восхищения пнул его под столом. Вальтер и глазом не повел.

— Или давайте я вас немного покатаю вокруг стола... — предложил Петя. Вообще-то у него и после собственного полета кружилась голова и стоял звон в ушах: левитация так просто не давалась. Но главное — Сикорского пробрало еще глубже.

— Необязательно... — сипло выговорил пан Владислав. Он все пытался затянуться погашенной сигаретой, не сразу достал новые спички. Не сразу ему удалось зажечь спичку. Впрочем, Петю даже удивило, как быстро он пришел в себя после Петиного полета.

— И чего же от меня нужно Шамбале? — тихо, серьезно произнес Сикорский. — Я слышал, что и немцы, и советские посылают туда целые экспедиции... Хотят, наверное, уметь вот как вы... Мысли читать...

Он опасливо покосился на Вальтера, и Вальтер заверил:

— Без вашего желания читать ваши мысли мы не будем... Вы же союзник.

Похоже, пану Владиславу сразу полегчало на душе.

— А что нужно... Пан Владислав, все просто. И для Германии, и для России Польша — или надежный союзник, или самый страшный враг, которого необходимо уничтожить.

— Уничтожать нас неразумно, — тут же перебил пан Владислав. — Разделенная Польша все равно останется неразгрызенным куском в горле победителей. Союзник — это намного надежнее.

— Вот и мы считаем точно так же. Мы хотим, чтобы к власти в Польше пришли люди, которые будут нам хорошими союзниками.

— И которые решат все польские проблемы с соседями, — уточнил Вальтер. — Пока Польша стремится оставаться империей, она будет воевать... И с Германией за Силезию и Бреслау, и с украинцами за Львов... Пока не решатся эти проблемы, границы Польши все время будут окровавлены.

Сикорский быстро, уверенно кивал. Он вдруг извлек потрепанную записную книжку, стал быстро в нее что-то записывать.

— Дайте мне дня два... И я представлю вам план урегулирования всех спорных вопросов. Имейте в виду — поляки не уйдут ни из Силезии, ни из Галиции. Я предложу план совместного управления спорными территориями.

— Предлагайте... Мы скажем, кому передать план. А для взятия власти вам понадобится большая помощь?

— Войсками — никакой... И полетов по воздуху не надо — у нас религиозная страна, сразу обвинят в сговоре с дьяволом. Вот если вы можете внезапно перебрасывать войска...

Голос Сикорского замер на вопросительной ноте.

— Можем и перебросим. И на врагов ваших подействовать сможем.

Пан Владислав вскинул вопрошающий взгляд, сделал брови «домиком».

– Пока не скажу как, это пока секрет, – безмятежно объяснил Петя. – Но если ваш план решения проблем Польши и договоров с соседями нас устроит – поможем и в этом.

Больше всего Петя боялся, что голос у него прозвучит фальшиво, Сикорский почувствует блеф... Но пан Владислав только кивнул и опять застучил что-то в книжке.

«Он поверил, – мысленно сказал Петя Вальтер. – У него настолько нет союзников, что он готов иметь дело с кем угодно».

«Я тоже думал, что придется долго доказывать, спорить...» – так же ответил ему Петя.

Друзьям предстояла еще одна встреча, в другом районе Парижа. По понятиям парижан, далеко, минутах в двадцати хода. Для Пети это было не расстояние, Вальтер по-солдатски привык много ходить. А пешком было просто интереснее.

Разные районы Парижа открывались для них. Быстро кончились буржуазные кварталы. Улицы стали грязнее, запахи – резче и грубее, одежда прохожих – беднее. Даже французская речь звучала отрывисто, недобро. Вот и полуподвальный вход в нужное им место...

– Вальтер, у нас столько гадостей говорят про эмиграцию, что мне просто страшно: тут, за этой дверью, собирались русские белые эмигранты...

– Русские эмигранты бывают разные. – Вальтер говорил очень серьезно. – Только часть из них собирается здесь.

Близ входа в кабачок подпирали стенку два потрепанных жизнью человека. Вальтер сразу почувствовал в них бывших военнослужащих. Петя – людей, чем-то неуловимо похожих на главу экспедиции в Шамбалу, Васильева.

– Здравствуйте. Я вас знаю? – заступил дорогу один из стоящих, не крупный, но жилистый, поджарый.

– Не-ет...

– А я вас должен знать?

К счастью, Петя нашелся:

– Нас должны знать Комендант и Градоначальник.

Потертый жизнью человек кивнул, нырнул в недра полуподвала. Из полуоткрытой двери вырвалась музыка, а с ней – облако сытного пара. Петя сомневался – входить ли до возвращения потертого, но Вальтер только пожал плечами, спускаясь по осклизлым ступенькам. И оказался прав Вальтер, не надо было никого ждать.

В этом кабачке было словно бы темнее, чем в других... Или людей тут сидело больше? Или они тесней жались друг к другу? Играла скрипка, девушка с утомленным грустным лицом пела старинный романс. И в этом кафе, как и в других, каждая компания занималась чем-то своим, совершенно независимо от прочих.

Вошедший с улицы стоял возле столика с двумя пожилыми людьми, кивал на друзей. Лица у сидящих были хорошими, но какими-то стертыми, невнятными. Как текст, который разные люди много раз переписывали от руки. Человек встал, представился, и Петя даже называл его по имени-отчеству, но как-то очень быстро это имя-отчество забыл... Собеседник так навсегда и остался для него Градоначальником. Он и правда был когда-то градоначальником в большом южном городе России. Под этим городом лежало поместье, принадлежащее его семье уже больше двух сотен лет.

Почему-то Градоначальник больше всего хотел доказать Пете, что все в Российской империи обстояло совершенно замечательно и особенно что мужики очень любили помещиков. Поверить в это Петя был совершенно не способен – именно потому, что беседовали они в Париже, а не на юге России, и не с градоначальником, а с эмигрантом.

Какой-то пьяноватый человек нетвердой походкой двинулся к столику.

— А все ваши глупости, Градоначальник! — завопил он, махая рукой перед самой физиономией собеседника. — Пожалели сотню пар сапог?! Вот большевики и отбросили нас под Каховкой!

— Вы сами зашли на северо-восток от высотки! — выкрикнул другой потертый человек с другого столика, тыкая пальцем в первого заоравшего. — Да еще растянули стрелков цепью — ясен пень, вас и смели!

— Вы сами, ротмистр, залегли у Петриловки! Залегли, и ни шагу вперед! — злобно вопил первый. — Мы харкали кровью, рота потеряла половину состава, а вы только постреливали через плетни да жрали галушки под самогон!

Спор разгорался. Появились сочувствующие и первому, и второму, шло бурное выяснение, кто и что делал двадцать или семнадцать лет назад: кто заходил с юга или севера, кто атаковал и отступал, кто правильно и неправильно брал давно позабытую высотку на околице украинской деревни. Друзьям становилось понятно — вот так они и разбираются каждый вечер в этом или в других кафе. Петя полазил по их головам... Нет, они так и думали! Так и чувствовали! Эмигрантам и в голову не приходило, что не в одних атаках и перестрелках тут дело. Что не из-за неправильно выбранного направления атаки они очутились в Париже.

— Скажите... — обратился к Градоначальнику Петя, проверяя возникшую догадку. — Скажите, вот если вы сегодня вернетесь в Киев? Вот вы входите в свой бывший кабинет... И что вы там будете делать?

— Как что?! — Градоначальник даже растерялся, и было понятно: для него все предельно очевидно. — Когда я выходил из своего кабинета... когда я выбегал из кабинета, так точнее... Так вот, тогда я только что подписал указ за номером тридцать три... Когда наши войдут в Киев, я сяду у себя в кабинете и напишу указ под номером тридцать четыре.

Вальтер указал глазами на человека, который не принимал участия в споре. Просто стоял и смотрел. У человека было широкое «простонародное» лицо, умное и лукавое, проницательные черные глаза, полуседая голова. Бороду этот человек брил, что характерно для казаков.

— Простите... А почему вы не спорите? Вам все равно, кто первым вошел бы в Каховку и кто атаковал высотку с юга? — серьезно обратился к нему Вальтер.

С полминуты человек, усмехаясь, внимательно рассматривал друзей.

— У меня есть серьезное отличие от большинства остальных. В отличие от них, я пил верблюжью мочу, а они нет.

Петя и Вальтер сразу не нашлись, что возразить: очень уж необычно.

— Неужели верблюжья моча настолько проясняет мозги? — нашелся наконец Вальтер.

— Очень даже проясняет...

Человек уселся за столик и уставился на рюмку Вальтера с таким выражением, как будто никогда не видел ничего похожего.

— Не хотите немного выпить?

— Вы слишком добры... Арманьяку, пожалуйста... что ж до мочи, то ее надо пить, когда служишь во французском Иностранном легионе. И когда заблудишься в пустыне. Верблюды лежат себе и время от времени мочатся. Другой влаги нет... разве что еще кровь — и своя и верблюжья. Один из нас пил кровь верблюда, сошел с ума, и его пришлось пристрелить. Двое умерли, никак не хотели пить мочу. А я пил верблюжью мочу, одного даже пытался заставить... слишком поздно, он уже умирал. Вот в таких случаях верблюжья моча и производит самое целительное действие. Очень мозги прочищает: и кто ты, начинаешь понимать, и почему проиграна Гражданская война, и что ты делаешь во Франции — тоже.

Помолчали. Ребята переваривали услышанное.

— Ну все же вас пустили сюда... — произнес неуверенно Вальтер.

— А вы думаете, Прекрасная Франция впустила нас, потому что решила оказать благодеяние?! Просто некому было работать на автомобильных заводах Рено... Французы на эту

работу идти совершенно не хотели. Был вопрос, кого ввозить: арабов из Алжира или нас? Мы все же больше похожи на французов, мы быстро ассимилируемся... Поэтому выбрали нас.

– Так вы же в Иностранный легион?..

– И в Иностранном легионе от нас больше проку, чем от арабов: мы смелее, активнее, опять же больше похожи на французов. Приходишь на вербовочный пункт, называешь любое имя, служишь пятнадцать лет. После этого получаешь французское гражданство и деньги за выслугу лет. Справедливости ради, денег немало – при том, что французы по натуре своей страшные жлобы.

– Но вы же выслужились?

Человек отхлебнул крепкий душистый арманьяк, словно воду или лимонад.

– Я получил гражданство на шестом году службы. И гражданство, и деньги, и крест Почетного легиона. Теперь я Есаул Бучинэ, француз... Почему Есаул Бучинэ? Потому что сам себя так назвал. Потом спрашивал у офицера: а если бы я назвался Наполеоном Бонапартом? Тот очень смеялся, но уверял: дали бы документы. Жалею, что не додумался. Только понимаете, какое дело... Было нас четверо однополчан, гражданскую вместе. Я вот получил все, что хотел, только что Бонапартом не стал. А вот дружков моих Господь прибрал. Логика простая: зачем посыпать коренных французов в разные гибкие места? Пусть иностранцы выслуживаются, пусть их в колониях убивают алжирские мусульмане и негры. Кто выживет – пусть ассимилируются.

– Ну, эти ассимилироваться не собираются! – засмеялся Вальтер, кивнул туда, где спорщики уже рвали друг друга за грудки.

– Эти – нет... Кстати, они и не были в Иностранном легионе, до сих пор гражданства не имеют... Так до конца своих дней и будут выяснять, кто и как высотки брал. Это – они... А их дети и внуки? Думаете, им так страшно важно, кто и как именно брал высотку? Они вырастают французами...

– Простите, а как вас зовут?

– Имя у меня очень простое: Есаул.

– Это не имя, это чин в казачьей кавалерии.

– Когда человек лишается абсолютно всего... Когда он вынужден бежать из своей страны... Тогда его христианское имя не имеет ни малейшего значения. А из России я ушел есаулом... Хотите стихи?

– Конечно. Ваши?

– Мои...

Уходили мы из Крыма Среди дыма и огня. Я все мимо, мимо, мимо В своего стрелял коня.

А он плыл изнемогая, За высокою кормой Все еще не понимая, Что прощается со мной.

Много раз одной могилы Ожидали мы в бою. Конь все плыл, теряя силы, Верил в преданность мою.

Мой денщик стрелял не мимо. Розовела вдруг вода. Уходящий берег Крыма Я запомнил навсегда.

Петя невольно представил: в то самое время, когда идет по Севастополю маленький мальчик, потерявший мамину руку, отваливает в море корабль. Ревет сирена, медленно удаляется берег... А за бортом плывет боевой конь, которого некуда взять. Представил и содрогнулся.

Есаул усмехался, довольный произведенным впечатлением.

– Скажите... – обратился вдруг Вальтер. – Скажите, а где сейчас ваш денщик, застреливший коня?

– Он умер во французском Иностранном легионе. Это его я заставлял пить верблюжью мочу, но было уже чересчур поздно.

– Есаул… Мы пришли сюда, чтобы посмотреть, есть ли здесь люди, которые могли бы встать во главе новой России.

– Вы уже видите, что нет.

– А генералы? Руководители белых армий?

– Они живут прошлым, как и Градоначальник. Хотим мы того или не хотим, но мы – только осколки уже не существующего общества. Мы можем помочь скинуть в России коммунистов… Ради этого многие пойдут дрататься, но и не более того. Строить мы ничего не умеем и не можем.

– Вы даже не спрашиваете, почему нас интересуют такие люди и кто нас послал сюда. Неинтересно?

– Если честно – то нет. Вы не представляете, сколько разных невероятных людей толчется вокруг нас, бедных эмигрантов… От советских агентов и иностранных шпионов до людей, которые носятся с самыми фантастическими идеями. Хотите нас как-то использовать? Это можно. Хотите найти в нас тех, кто сам поведет в будущее? Не получится.

Петя давно присматривался, включив «третий глаз». Он давно понял, кто этот потерянный человек за угловым столиком… Это был Николай Александрович Лопухин. Рядом с ним сидела Надежда Владимировна Лопухина, Римская-Корсакова по отцу. Петя внимательно наблюдал за ними… Отец казался растерянным, неуверенным в себе, часто пьющим. Было заметно, что он рано постарел от постоянного тяжелого труда, от невнятного положения иностранного рабочего в чужой стране. Мать выглядела сгорбившейся и усталой.

Пете было интересно смотреть на них, но он был не в силах отнестись к ним, как к родителям. Никакой нежности. Ну да… Он родился от этого человека… наверное, достойного, согнувшегося только под колossalной тяжестью. Ну да… Эту женщину он называл мамой, и не ее вина, что потерял ее руку в толчее. Он мог бы сейчас жить в Париже, быть частью этого общества… От этой мысли стало холодно спине. Это – мама?! Мамуля… мамочка…? Петя совершенно не чувствовал никаких сыновних чувств к этой усталой, недовольной жизнью женщине.

– Есаул… У меня просьба – когда мы уйдем, передайте записку Николаю Лопухину, ладно?

– Он точно такой же, как мы все… Не рассчитывайте на него, как на спасителя России.

– И все же передайте…

– Хорошо… А теперь не могли бы вы пройти в дверь черного хода? Вас ждут… И отвезет вас, молодые друзья, куда следует, наша местная знаменитость – Вовка-казак. Это такой лихой таксист, что даже вставил себе золотые зубы. Представляете?!

Петя чуть со стула не свалился, слушая удивительные речи Есаула, а тот ухмылялся в усы. Самым натуральным образом ухмылялся! Действительно – ну как можно было заподозрить главу охраны главы Русского Общевоинского Союза в этом выклянчивающем выпивку, опустившемся, трагичном человеке?

– Какой вы молодец! – совершенно искренне воскликнул Петя. – Мы-то ждем связного, а он тут с самого начала сидит…

– Да еще нас самих изучил, – добавил Вальтер.

– Работа такая, – разводил руками Есаул. Физиономия у него сделалась очень довольная. – Не могу же я позволить кому попало шататься в гости к Его Превосходительству? Агенты здесь так и шастают… Агенты энкавэдэ охотятся за генералами из белой эмиграции, как герои Джека Лондона за золотом. Генерала Кутепова ведь похитили и, скорее всего, давно убили. Если Его Превосходительство до сих пор живы и в добром здравии, то только благодаря мерам безопасности.

Что-то кольнуло Петя в сердце…

– Есаул… А вы умеете чувствовать, кто представляет опасность? И для вас, и для ваших генералов?

– Даром предчувствия не обладаю… Говорят, некий дар ясновидения был у господина Лопухина… Того самого, кому вы просили передать записку. Но он сам уверяет, что дар этот давно потерял от поразивших его бедствий… осмелиюсь предположить, что не от одних бедствий, а еще от употребления чрезмерного количества горячительных напитков. Не смею осуждать человека с тяжелой судьбой, но последствия налицо…

– Значит, дар ясновидения потерян…

– Кто знает? Дочери Лопухиных всего одиннадцать лет, она еще подрастет… Но как вы понимаете, если у нее и наличествует семейный дар, использовать его в настоящий момент нет ни малейшей возможности. А вы, уж если заговорили на эту тему… кем вам приходится господин Лопухин?

– Отцом! – коротко ответил Петя, с удовольствием глядя, как медленно отвисает нижняя челюсть Есаула. – Но, с вашего позволения, мы это обсудим в другой раз.

Есаул обалдело закрутил головой, и Петя первым предложил:

– Может, пойдем?

Тroe людей встали да прошли черным ходом. Никто вроде даже и не смотрел им вслед, не слишком интересовался. А что? Нужно, чтобы люди прошли? Пусть идут. А если не нужно, люди быстро исчезнут и никогда больше не появятся. Завсегдатаи кабачка привыкли к тайнам.

После полутемного полуподвала на улице показалось очень светло. «Местная знаменитость», невероятно удачливый таксист Вовка-казак сверкал золотыми зубами, по-южному шумно, махая руками, травил байки про то, как ему то дали на чай три золотых, то как он отвез корсиканских бандитов вместе с награбленным, получил целую пачку новых франков. Он говорил, говорил, а сам все вез на своем старом «Ситроене» по еще светлым, теплым улицам вечернего Парижа. Есаул временами подхватывал, но чувствовалось – мысли у него далеко. Петя влез было в эти мысли Есаула, но все что обнаружил – это образ грустного пожилого человека в потертом мундире, да еще молодую женщину с малышом на руках. Лицо у женщины почему-то совершенно заиндейело, она неподвижно сидела, прислонившись спиной к заснеженной стенке оврага. Что странно, несмотря на лютый мороз, на женщине не было даже полушибока, только кофта.

Ехали долго, минут двадцать, но не зря Петя старался замечать, куда везут.

– Приехали, господа, нам выходить.

– Можно было пройти и пешком. Мы же сейчас за два квартала от кабачка, только с другой стороны.

Большой, пахнущий потом Вовка-казак бешено захохотал. Есаул бледно улыбнулся:

– По крайней мере, сейчас я точно знаю, что вы за собой никого не привели… Впрочем, это моя собственная квартира.

Довели же, однако, человека, если к себе домой он ходит, проверяясь на каждом шагу… Подниматься в холостяцкую комнатку Есаула пришлось на пятый этаж, а Петя знал – здесь особенно ценятся первые этажи, высоко живет только голь перекатная. Лифта, конечно же, не было.

А в нищей комнатке, на жесткой деревянной кушетке, сидел прямой как палка стариk с военной выпрямкой и умным, жестким лицом. Петя знал: это Евгений-Людвиг Карлович Миллер, в прошлом – глава Северного правительства в Архангельске.

Первым главой Временного Северного правительства был добный, милый старичик, Николай Васильевич Чайковский – один из первых русских народников, живая легенда. Он был, по всем отзывам, очень милый человек, демократичный и приятный. Он поил чаем всех посетителей, вел с ними долгие беседы и даже, что удивительно для народника-интеллигента,

не только вел речи о том, какие замечательные люди крестьяне. Он даже не гнушался общаться с крестьянами, демократ! Очень, очень симпатичный человек!

У милейшего Чайковского была только одна неудобная сторона: он много говорил, но никогда ничем не управлял. В январе девятнадцатого года Чайковский отбыл в Париж для участия в мирной конференции стран Антанты, да как-то там и остался. Отбывая, Чайковский вместо себя генерал-губернатором и Главнокомандующим Северной добровольческой армии оставил генерал-лейтенанта Евгения Карловича Миллера.

Миллер был вовсе не такой симпатичный, как Чайковский. Он поил чаем далеко не всех и никогда не распинался в нежной любви к крестьянам. Эсеры и вообще вся интеллигенция были в ужасе от этого реакционного генерала, а Миллер железной рукой подавил заговоры, пересажал в лагеря эсеров, заставил замолчать склонников, работать – бездельников, воевать – трусов. При нем Северное правительство без всякой поддержки англичан держалось еще целый год, что само по себе невероятнее невероятного.

В эмиграции чудовищный белогвардец Миллер «почему-то» не собирался тихо доживать. Он активнейшим образом работал в Русском общевоинском Союзе, а после похищения генерала Кутепова стал его главой.

– Проходите, господа, садитесь... В ногах правды нет.

Собственно говоря, Миллер был гостем в комнатке Есаула, но как-то сразу сделалось понятно, кто тут главный. Рука у него оказалась крепкая, сильная – не похоже, что генералу исполнилось семьдесят лет.

– Ну, рассказывайте, с чем пришли, посланцы таинственных махариш. Есаул, не могли бы вы поставить гостям чайку?

Есаул притих в этом обществе, стал заваривать чай на плитке.

– Странно, Евгений Карлович, что вы сразу нас признали посланцами махариш. Вы верите, что мы – из Шамбалы?

– Почему ж нет? Глаза мои видели много самых удивительных вещей. И в могущественные тайные общества мне просто приходится верить. Не верить в них, кстати, было бы значительно спокойнее.

– Вы сталкивались с такими обществами?

– Конечно... Хотя бы так называемая революция в Российской империи. Мало кто сомневается – ее организовали внешние силы. Наивные люди говорят про евреев, у меня как-то сложилось другое мнение.

– В эмиграции и правда верят в тайные общества и заговоры – верят сильнее, чем другие европейцы.

– А почему вы так удивляетесь? На их глазах власть в России захватили люди, которых до насильтвенного переворота знали в лицо разве что агенты наружного наблюдения... И то не всех, потому что даже как преступники они мало кого интересовали. А теперь эту публику знает весь мир... Кутепов потому и решил террором бороться с большевиками, что уверовал – надо действовать их же собственными методами.

– А вы не верите, что так надо?

– Конечно, нет. Есть другие способы вести войну.

– А можно НЕ вести войну, Евгений Карлович?

– Но ведь Гражданская война вовсе не окончилась, – пожал плечами Миллер. – Разве Ленин или Фрунзе подписал мирный договор со мной, с Колчаком или с Врангелем? Разве мы уходили за границу потому, что признали поражение? Коммунисты как воевали, так и воюют с нами, только гражданская война идет другими средствами.

– Но для вас это не террор...

Голос Вальтера вопросительно замер. Миллер усмехнулся, пожал плечами.

– Какой смысл взрывать комсомольские клубы и убивать коммунистических бонз? Тем более, в этой войне нас тоже победили: коммунисты убили Врангеля и Кутепова, а мы не смогли убить ни Сталина, ни Бухарина. Мы с трудом пробираемся в Москву, теряем лучших людей, а их агенты делают в Париже, что хотят.

– На их стороне – ресурсы и мощь государства…

– Вот именно! Мы, Белая армия, не можем больше воевать сами по себе. Мы хотим участвовать в гражданских войнах других народов… Тут, в Европе. Если коммунисты в эсэсэсэр начнут войну с другими государствами, мы будем участвовать в этой войне с коммунистами.

Помолчали, отхлебывая чай, пуская папиросный дым. И первым не выдержал пожилой, усталый человек:

– Чем же может нам помочь Шамбала? Шамбала будет воевать с мировым коммунизмом?

– Мы поможем иначе… Для начала мы покажем, кого надо опасаться Белому движению.

Хотите?

У Миллера дрогнула рука с чайным стаканом, Есаул резко поднял голову, впервые нарушил молчание:

– Мы знаем – у Москвы есть агенты в наших рядах.

– Мы не расскажем, мы покажем вам будущее.

– Покажете? – усмехнулся старик.

– Смотрите…

Сплетаясь, заклубились струи непрозрачного серого тумана. Туман обретал форму и цвет, складывалось трехмерное изображение. Вот он, Миллер, пишет записку: «У меня сегодня в 12.30 часов дня свидание с генералом Скоблиным на углу улиц Жасмэн и Раффэ. Он должен отвезти меня на свидание с германским офицером, военным атташе при лимитрофных государствах, Штроманом и с Вернером, прикомандированным к здешнему германскому посольству. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устраивается по инициативе Скоблина. Возможно, это ловушка, а потому на всякий случай оставляю эту записку.

– 22 сентября 1937 г. генерал-лейтенант Миллер».

– Скоблин… – только и сказал Миллер. Произнес это глухо, тоскливо.

– Да… Агент энкавэдэ, Николай Владимирович Скоблин. Его попытаются продвинуть на пост главы РОВСа. Благодаря вашей записке этот план не удастся.

Есаул не удержался:

– Я ж говорил…

– Свой! Он с нами в одном огне был, – так же глухо, сквозь зубы сказал Миллер. – В двадцать пять лет – начальник дивизии, самый молодой в Белой армии. И какова его судьба?

Туман сложился в пространство, в гул летящего самолета. Двое крепких людей деловито выталкивали третьего в открытый люк. Мелькнуло перекошенное страхом лицо, рука цеплялась за стойку, скользила.

– Нет! Товарищ Сталин не бросит человека! Не верю!

Один из толкавших засмеялся, ногой толкнул Скоблина в лицо. Мелькнуло и мгновенно исчезло крутящееся распластанное тело на фоне далекой земли.

– Это Испания… – тихо уточнил Вальтер. – Скоблина убют агенты энкавэдэ, главный из них – Эйтингон.

– Действительно… – беспощадно произнес Есаул. – К чему им отработанный агент? Свое дело он сделал… к чему свидетель?

– Но такова была бы судьба Скоблина, если бы вы пошли на провокацию. Если бы вас похитили и вывезли в эсэсэсэр на теплоходе «Мария Ульянова», содержали бы в тюрьме энкавэдэ на Лубянке. Теперь вы предупреждены, и у Скоблина – другая судьба.

– Другой конец, это точно, – энергично кивнул Есаул. Миллер поморщился.

– Организатор вашего похищения тоже кончит нехорошо... Зовут его Абрам Аронович Слуцкий...

Туман сложился в образ большого кабинета, где двое людей под портретом Сталина удерживали третьего. Этот третий плевался и лягался, пока к нему не подошли сзади, не сунули чем-то блестящим, маленьким в спину. После этого человек начал хрипеть и оседать, а остальные отпустили его, стали говорить между собой и улыбаться. Подошедший последним бросил на стол стеклянный маленький шприц, потащил из кармана папиросу... Труп со стуком повалился на ковер. Невероятность сцены подчеркивало то, что все четверо – и убитый, и убийцы были в форме энкавэдэ.

– Чем это его?

– Инъекция цианистого калия... Нарком Ежов убрал еще одного свидетеля... А то вас вот похитил, архив Троцкого в Париже похитил...

– В общем, никто хорошо не кончил, – усмехнулся Есаул. – Неудивительно – в таких делах свидетелей не оставляют!

– А жена Скоблина, Надежда Плевицкая – она тоже агентесса энкавэдэ? Будет участвовать в похищении... Плохо кончит...

Голос Миллера прервался с вопросительной интонацией.

– Да. Ее осудил бы французский суд на двадцать лет каторги за участие в вашем похищении, она умерла бы через три года в тюрьме.

– Государь назвал ее «курский соловей»... – скрупо усмехнулся Миллер. – Что делает с людьми наша эпоха!

– Вы бы про себя лучше спросили! – возмущенно бросил Есаул, и Петя приготовился показать, как в подвале связывают проволокой руки Миллера, как ему стреляют в затылок. Миллер отмахнулся тыльной кистью руки.

– Не надо... Мой конец в таком раскладе понятен. Повесят?

– Расстреляют во внутренней тюрьме энкавэдэ.

– Один черт, хоть расстрел и приятнее.

– Но это ведь только в том случае, если бы вы поддались на провокацию. Теперь у вас будет другая судьба, другой конец.

– Тем более, видеть их не хочу. Будет, что Господь даст.

Миллер отхлебнул из стакана так же хладнокровно, словно ему показали не похищения и страшные смерти, а комедию или веселый танец.

– Вы оказали нам огромную услугу... Мне лично, понятное дело, но и всем нам. Что вы хотите за нее?

– Пока ничего...

– Но настанет день, и вы что-то обязательно попросите.

Миллер не торговался, он просто констатировал факт. Наверное, жизнь в эмиграции быстро учит, что бесплатных услуг не бывает.

– Возможно... Но скорее всего – мы ничего не попросим. Вы – союзник, вам необходимо помочь.

Звякнула ложечка в стакане.

– Евгений Карлович, нам пора.

– Вовка-казак отвезет вас.

– Пусть лучше Вовка-казак отвезет вас домой. Мы бы хотели прогуляться.

Есаул пошел проводить. На лестнице он неуверенно спросил, можно ли научиться видеть будущее. Голос в темноте звучал так робко, что Петя невольно заулыбался.

– Этому как раз и учат в Шамбале... учат не всех, надо иметь врожденные способности.

Есаул тяжко вздохнул; было видно, он бы многое отдал за такой дар.

По понятиям Пети, стоял еще совсем ранний вечер. Закат погас давно, хотя еще и десяти часов нет по местному времени. Но ведь это юг, темнеет рано. Париж лежит южнее Киева, почти что на широте Крыма.

Давно загорелись фонари. Улицы вечернего Парижа шумели, общались, плясали. Пялились на прохожих бездельники из стеклянных веранд кафе. Они сидели там на виду, в электрическом свете, и пялились на прохожих – тоже хорошо видных под электрическими фонарями.

Шумные бульвары с ярко освещенными верандами сменялись пустыми темными улицами, иногда неприятно-тесными, с далекой узкой полоской звездного неба высоко-высоко над головой.

– Большинство парижан уже спят, – комментировал Вальтер. – Мало кто в такое время еще торчит по кафешкам. А вот лучше скажи мне – я так понимаю, на русскую эмиграцию рассчитывать совершенно невозможно?

– Как на вооруженных людей – еще рассчитывать можно, да и то не всегда. А как на политическую силу – ты же сам видишь, что нельзя.

– Трагичные они… Им невольно хочется помочь.

– Мне тоже… Но как им поможешь? Если произойдет переворот, которого мы хотим, они смогут вернуться на родину… Те, кто захочет.

Какое-то время шли молча.

– А еще я думаю, Петер, что из всех даров Шамбалы самый дорогой – это как раз умение видеть будущее. Это огромная сила.

Петя кивнул.

Вальтер еще спросил, нет ли у Пети ощущения опасности. А этого ощущения как раз и не было… не было даже в самых узких и на вид вроде бы опасных улицах.

Только выйдя на последнюю площадь, Петя понял – у него появилась новая сильная потребность: внимательно осмотреть улицу перед домом Профессора, а потом уже выходить на открытое пространство. Впрочем, какие-то люди полудремали в подворотне. Петя заметил их в последний момент, вздрогнул… А люди без улыбки кинули по два пальца к окольышу своих фуражек.

– Здравствуйте…

Люди молчали. Просто смотрели и молчали, когда друзья прошли мимо них в полутемный, душно пахнущий подъезд.

Глава 5

Коварный враг, и что ему надо

В квартире давно легли. Профессор в теплом халате поверх роскошной сине-красной пижамы раскладывал на столе какие-то папки. Рыжий котище Норманн ходил рядом.

– Ага! Рад вас видеть… приключений не было?

– Не заметили…

Профессор энергично кивнул.

– На Франсуа можно положиться. Исключительно надежный человек. Ну вот… Я вам тут подготовил кое-что… Вы ведь будете работать ночью?

– У нас и нет другого времени…

– Я знаю: когда французы ложатся спать, у русских просыпается желание пойти к ним в гости… Поразительная способность кочной жизни! Я не в силах составить компанию, сплю на ходу… Если будет что-то нужно, будите, но лучше подождите до утра. Мы уже поужинали, но Жаннета подаст кофе, круассаны, и вообще располагайте ею.

Профессор властным жестом положил руку на плечо Жаннеты, подтолкнул, словно предлагал Петя – «забирай». Улыбка у него стала двусмысленная. Жаннета потупилась так «скромно», что даже невинный Петя понял многое.

Больше всего Петя хотелось немедленно раскрыть положенные на стол папки… Но и Жаннета, входившая в кабинет, приносящая еду, щебетавшая на незнакомом языке, влекла его к себе неудержимо. Девушка по-прежнему была одета в то же полосатое платье горничной, но теперь из-под платья торчала полоска светлой ткани. Жаннета улыбалась несколько сонно, но призывающе.

– Петер… Она спрашивает, вкусный ли кофе?

Петя улыбнулся скорее натужно-мученически, чем весело. Кровь так звенела в ушах, что парень еле слышал слова друга.

– Петер… Тут за столом двум человекам уместиться непросто… Ты отдохни пару часов, а? Подремли.

Вальтер уселся за столом, включил настольную лампу. Он словно бы весь ушел в чтение.

Не только за столом, читать отлично можно в кресле у журнального столика. Жаннета включила торшер около кресла и убрала верхний свет. Кабинет сделался еще интереснее: ряды книг словно уплывали в полутьму, снопы электрического света вырывали плоские поверхности столов из этого таинственного полумрака.

Папок две. Взять, положить на журнальный столик… Но Жаннета проходит рядом, что-то говорит, касается лица воздух, прошедший через ее легкие, упирается в плечо ее упругая грудь, и чувствуется – ничем ее грудь не стеснена, кроме двух слоев тонкой ткани. Она проходит, встает у дверного косяка, смотрит призывающе и ласково.

– Я сейчас… – произнес Петя неуклюже. Вальтер даже не пошевелился.

Так же неуклюже Петя прошел к девушке… Та уже выскользнула в коридор и ждала его в полной темноте. Мгновение Петя просто стоял, остро ощущая – совсем рядом стоит, дышит, ждет его девушка. Он протянул руку… и тут же кисть ската маленькая шершавая ладошка. Эта ладошка знала, что делать: быстрым жестом поднесла руку Пети к своим губам. Парня словно обожгло в месте, где ладони коснулись влажные мягкие губы. Опять стало жарко внутри, сделалось трудно дышать, сердце мягко колотилось о ребра.

Свободной рукой Петя взял Жаннету за плечо, поворачивая к себе. Девушка послушно переступила, вторая рука уперлась Петя в грудь… Сердце опять перевернулось. Петя подался вперед, ощутил запах духов и тот восхитительный запах молодой здоровой женщины, кото-

рый волнует сильнее любых цветочных ароматов. Губы его уткнулись куда-то под ухом, потом сунулись в локон на виске...

Жаннета что-то сказала... тихо-тихо. Петя не понял слов этого чужого языка, а девушка уже вела его, вела... Петя старался не шуметь, подчиняясь ее ласковым, легким движениям. Так, в полной темноте, он прошел в дверь и оказался в комнате, ушибившись ногой о кровать. Жаннета встала вплотную к нему, что-то совсем тихо говорила. В потоке булькающих, незнакомых звуков прозвучало «ламур», но не в том дело... важнее оказалась интонация горловых тихих слов. Петя обнял Жаннету за плечи... Нет, не так! Он обнял девушку, прижимая к себе, нашел мягкие ласковые губы. Петя сам понимал, что неуклюж, он старался сдерживать себя. Жаннета обняла его так же – обеими руками, положив на спину маленькие крепкие ладошки. Кровь бешено стучала в голове, сердце колотилось, оно стало размером с подушку.

Рука Пети как бы сама собой опустилась ниже, и парень содрогнулся, ощутив ладонью маленький крепкий задок. Ягодица сократилась, и Петя почувствовал, как надуваются вены на его шее. А у нее?! Он нашел губами бьющуюся вену, ниже уха, замер. Жаннета что-то тихо сказала... еле слышно. Помня, какая слышимость в этих французских домах, стараясь быть как можно тише, Петя провел руками по телу Жаннеты, остановившись на бедрах.

Девушка сделала пару шагов назад, увлекая Петю за собой. Она словно танцевала; по звуку шагов парень понял, что девушка босиком. Ему захотелось снять с себя рубашку, но еще больше – трогать и трогать Жаннету. Девушка вдруг замотала головой, волосы разлетелись, создавая ароматный ветерок. Петя остановился, разжал руки, и Жаннета зашуршила, отчего в комнатке стало намного больше ветра. «Снимает платье!» – понял он. Еще сильнее запахло ее телом. Жаннета присела, сетка кровати мягко скрипнула. А Жаннета, сидя перед Петей в одной рубашке, снова обняла его, расстегнула, стала трогать губами живот. Рывками срывая рубашку, Петя взялся было за брючный ремень... Жаннета уже расстегнула его.

Освобождаясь от одежды, Петя опрокинул подругу на ее собственную кровать. Инстинкт заставил его не навалиться всем телом, а держаться на согнутой руке. Теперь он чувствовал своим телом грудь, живот, бока девушки, ее ноги, трогал губами лицо, шею, плечи в вырезе. Свободной рукой Петя захватил тонкую ткань, стал поднимать ее вверх. Девушка приподнималась, помогала, что-то шепча ему в ухо. Петя ощущал ее бедро и замер, почувствовав под пальцами курчавые упругие волоски.

Все чуть не кончилось в тот момент, когда пальцы Жаннеты легли на член Пети. Быстро, ловко девушка помогла ему найти все, что необходимо, сама двинула тазом вперед, с тихим стоном. Руки Жаннеты словно порхали по его телу, губы познавали Петино лицо, шею, плечи. Только вздохи и тихие стоны прерывали работу ее губ.

Вот ладонь легла на ягодицы, уверенно их раздвинула, палец мягко вошел сзади... Петя едва сдержал крик: он словно весь превратился в напряженную струю, ударившую внутрь Жаннеты. В Пете словно бы происходили беззвучные, мягкие взрывы, один за другим. Тело опустилось в судорогах, от которых темнело в глазах. Беззвучно рыча, он прижал девушку к кровати, сетка жалобно пела под ними. Жаннета крупно дрожала, что-то возбужденно бормоча.

Петя не стал выходить из нее, расслабленно повернулся на бок, увлекая подругу за собой. Так они лежали – расслабленные, устало-счастливые. Каким-то звериным чутьем Петя почувствовал: девушка улыбается. Она приникла к Пете, что-то жарко шепча ему в ухо.

Сейчас, остановившись, Петя вдруг вспомнил и заулыбался: еще мальчиком, лет в четырнадцать, он считал совершенно невероятным одно из описаний Александра Дюма – где Д'Артаньян проводит с Миледи ночь за ночь, а она и понятия не имеет, что это – не ее возлюбленный, что это совершенно другой человек.

Но в комнате было ТАК темно, что Петя и впрямь не видел даже очертаний лица – почти вплотную с его собственным лицом. Правда, хоть сравнивать Петя было не с кем, но он был

совершенно уверен – спутать с кем-то Жаннету он не смог бы… и поведение, и запах девушки совсем особенные… наверное, у всех особенные, критично подумалось Пете.

Петя стал ласкать подругу; напряженное возбуждение спало, бешеная страсть сама собой перешла в тихую нежность. Молодые люди лежали, целуя и гладя друг друга. Петя трогал, прижимал, гладил плечи, шею, грудь, завитки волос на затылке и висках. Когда пальцы коснулись улыбчивых губ, Жаннета схватила палец, втянула в себя, стала сосать, как младенец.

А ведь пора… Оказалось, память о лежащих на столе документах вовсе никуда не ушла из мозга Пети. Не успев разрядиться, Петя почувствовал: его тянет в кабинет с такой же силой, как только что тянуло сюда.

Парень начал вставать. Жаннета напряглась, пыталась притянуть его к себе.

– Нет-нет, – забормотал ей в ухо Петя. – Нет, мне пора… надо работать…

В кромешной темноте Петя даже не мог показать жестами, как он будет читать. Жаннета замотала головой, душистый вихрь ее волос заставлял кружиться голову. А Петя тоже замотал головой, потянул за собой девушку. Теперь Жаннета опять сидела на кровати. В кромешной тьме ее руки двигались по телу Пети… Парню показалось, они стали двигаться как-то недоумевающе.

Быстро одевшись, Петя потащил девушку за собой: должен же он был объяснить ей, для чего приходится ее оставить?!

После кромешной темноты комнаты даже в коридоре казалось светло: из кабинета сочился слабый от света лампы. Жаннета вдруг вырвалась, убежала. Петя шагнул обратно в комнату, и напрасно: Жаннета просто надела платье. Увлекая за собой подругу, Петя вошел в кабинет. Вальтер даже не поднял головы, только помахал Пете рукой. При виде Жаннеты глаза у него весело округлились.

– Вальтер… Ты не мог бы ей перевести, что мне необходимо работать?

Вальтер усмехался, переводя. Жаннета ответила целой серией певучих французских фраз. Девушка вдруг крепко обняла Петю, поцеловала в губы, убежала, что-то бросив на прощание.

– Я ей сказал, что твоя работа необходима для спасения человечества.

И ухмылялся, откровенно недоговаривал друг.

– Не томи… что она сказала убегая?

– Сказала, что в эсэсэсэр зря не учат иностранные языки.

Петя ответил каскадом китайских проклятий и тибетских ругательств. Вальтер усмехался с довольным видом.

– Так что же она сказала, убегая?

– Ты уверен, что хочешь это знать?

По лицу Вальтера растеклось такое сочувствие, такая святость, что Петя только заскрипел зубами.

– Ты можешь просто перевести, и все?!

– Учи французский, Петер, лучше будет. А сказала она, что когда кончишь работу, приходи к ней.

И мгновенно посерезнел, напрягся Вальтер:

– А пока бери папочку, Петер, тут есть перевод на русский. Но сразу скажу: дела очень плохи. Дела намного хуже, чем я думал.

Петя устроился в кресле, вынул первый листок из папки… Давешний рыжий кот Норманн спрыгнул с другого кресла, внимательно его обнюхал, вернулся на кресло. Там он и лежал все время: то спал, то обзирал кабинет янтарными умными глазами.

Черный Ромей так и лежал на стеллаже, словно охранял библиотеку.

Пете подумалось: коты охраняют тех, кого хозяин впустил в кабинет.

Местами фразы перевода выглядели коряво, невпопад стояли склонения и падежи: переводил или эмигрант, начавший забывать родной язык, или француз, блестящее владеющий русским. Но в целом текст был вполне понятным.

А дела и правда оказывались намного хуже, чем это можно было ожидать. Удивительно скверные дела...

Если верить документам, все началось еще во время Первого крестового похода, в далеком тысяча девяносто девятом году. В этом году крестоносцы захватили Иерусалим. Они избрали королем Иерусалима герцога, которого Петя привык называть Готфридом Бульонским. Французы называли его Гоффруа де Бульон, и Петя невольно заинтересовался – не по имени ли этого города называют мясной отвар для приготовления супов.

– Я не буду короноваться королевской короной в городе, где Христа короновали терновым венцом! – сказал Гоффруа. Вместо королевского титула он принял титул барона и «Защитника Гроба Господня».

Готфрид Бульонский взял себе герб, в котором были нарушены все законы геральдики. Нельзя в гербе накладывать металлы на металлы и эмаль на эмаль! А в этом гербе золотой крест с Т-образными окончаниями ветвей, окруженный четырьмя меньшими крестами, изображался на серебряном поле. Официально сообщили, что Иерусалимский крест стал способом отметить заслуги Гоффруа де Бульон в организации Крестового похода.

На Сионской горе Гоффруа велел построить аббатство Богоматери Сионской горы. Монахи-августинцы помогали Гоффруа советами. Они же основали свое общество Сионских Братьев, Приорат Сиона, и целью этого общества было не что иное, как мировое господство. Причем внешне все выглядело пристойно: Приорат Сиона хотел возвести на престол законного короля, происходящего... от Иисуса Христа.

Вот и еще документ... автор текста не согласен со своими информаторами, оценки его ироничны... Но повествует документ о том, что некоторые считают: описанная в Евангелиях свадьба в Кане Галилейской – это свадьба самого Иисуса Христа и Марии Магдалины. Ведь во время этой свадьбы Иисусу не раз напоминали: гостям не хватает вина! Если Иисус был одним из гостей (пусть даже очень почтенным гостем) – то почему ему вообще задают вопросы о вине?! Это вопрос к хозяину, к жениху...

«Ничего подобного!» – подумал в этом месте Петя... Этот вопрос как раз вполне могли задать существу, объявляющему себя Сыном Божиим и Мессией: если ты Бог, сотвори чудо! Иисус же не стал портить настроение гостям и послушно налил им вина, превращая в сей напиток воду. Но авторы думали иначе...

От Иисуса, если верить этой истории, Мария Магдалина родила дочь Сару, и увезла ее в одну из римских колоний, на юг Галлии... В конце концов потомки Сары оказались в числе основателей королевской династии Меровингов.

Вот и еще одна версия: что Иисуса Христа никогда и не думали распинать... Якобы его выкупил за большие деньги у римлян его ученик Иосиф Аримафейский, один из богатейших жителей Иерусалима. Иисус уехал в Галлию вместе с семьей, у него были еще дети.

Потомки Меровея, правившего в конце пятого века, франкские короли Меровинги, носили длинные волосы и считали себя потомками бога Одина и соплеменных дубов. Нарушая традиции и отрекаясь от предков, меровингский король Дагоберт объявил себя потомком Христа... но у этого короля вообще было неладно с головой. Этот христианский король объявлял себя и потомком языческих богов, и священного дуба, и волка.

Меровингов сменила династия Каролингов, потом Капетинги, но все они по женской линии были родственниками Меровингов. «Забавно... – думал Петя. – Ведь родственниками Капетингов через браки стали и Рюриковичи, и Бурбоны! Романовы в России тоже родственники Рюриковичей по женской линии. Значит, в России до семнадцатого года сидели на пре-

столе потомки Иисуса Христа. А испанские Бурбоны, потомки Христа, до сих пор сидят на престоле...»

Ага! Гоффруа де Бульон – прямой потомок Меровингов... потому и выбран в короли иерусалимские. Он и основал орден «Нотр-Дам-де-Сион» – «Нашей госпожи в Сионе». Госпожа в Сионе... Видимо, имелась в виду или мать Иисуса, Мария, или другая Мария – Мария Магдалина.

Цель «Нотр-Дам-де-Сион»... Хм... Грандиозная цель: создать мировое государство, во главе которого встанет потомок Гоффруа, и тем самым – потомок Иисуса Христа.

Целью Приората стало восстановить Храм Соломона в том виде, каким отстроил его Зоровавель, или Зрубавель бен Шальтиэль из рода царей Давида и Соломона, был персидским наместником в Иудее. Персы и называли его Зоровавелем. Одновременно он был вождем иудеев, при котором первая партия иудейских плеников вернулась в Иудею из вавилонского плена.

Этот восстановленный и посвященный Вселенскому культу Второй Храм Соломона и должен был стать столицей мира.

Сказать легче, чем сделать: ко времени Крестовых походов от Храма Соломона времен Зоровавеля не оставалось ни единого камушка. Неудивительно! Прошло все же шестнадцать веков... Невозможно было определить даже само место, где стоял храм. Называя вещи своими именами, Приорату предстояло не восстановить, а заново построить громадное сооружение... И не таким, каком оно было когда-то, а каким его представляли новые самозваные строители.

Не говоря о том, что уж создать единое Мировое государство тоже еще только предстояло.

– Вальтер... А тебе не кажется, что сама задача – создать Мировое государство – несколько безумная задача?

– Кажется... Но ты почитай дальше, убедишься – ребята подошли к решению задачи в высшей степени практически.

Петя кивнул. Вот и еще пара бумаг: аналитическая записка без подписи, заключение крупных историков. Получалось, что в Приорат Сиона вступили не рядовые всадники, а полководцы армии крестоносцев, их верхушка. Разве они сами будут делать необходимые, но мелкие дела?!

Оказался необходим отряд рядовых воинов и порученцев – как раз тех, кто будет не руководить, а кто сделает политику Приората цепью конкретных деловых и военных операций. Для этого основали другой орден, со своей отдельной крепостью на Храмовой горе Иерусалима. Храм по-французски будет «тампль». Орден храмовников, или тамплиеров.

На печати тамплиеров изображались два всадника, сидящие на одной лошади. На печати изображали вовсе не реальное положение дел: никогда воины не ездили вдвоем на одной лошади! Более того, по уставу каждый воин-тамплиер должен был выступать в поход, имея двух-трех сменных лошадей... Не два всадника на лошади, а две лошади для одного всадника! Изображение двух всадников, один из которых управляет лошадью, есть символ того, что тамплиеры – только возничие, исполнители воли своего высшего командования: рыцарей Приората Сиона.

А потом рядовые взбунтовались. В тысяча сто восемнадцатом году тамплиеры-храмовники перестали выполнять приказы Приората и начали выбирать своих собственных Великих Магистров.

То ли Приорат выдвигал и брал на работу не худших людей, то ли сами тамплиеры проявили хорошую хватку, но именно тамплиеры создали первую в Европе банковскую систему. Положив деньги в любой из монастырей и получив кожаный чек, человек мог ехать налегке, без опасного груза золота и серебра, хоть на другой конец Европы и даже на Передний Восток: в любом другом храме тамплиеров ему выдали бы его вклад.

Даже отнять кусочек кожи не было смысла: на чеках оттискивали отпечаток пальца владельца вклада. Не надо доказывать, что ты – Пьер из Шампани или Жан из Лангедока. Никаких документов, но и никаких шансов для разбойника. Предъявляй чек, оттискивай палец... получай золото.

Выгоднейшая система! Тем более выгодная, что ведь бумажных денег еще не придумали. Сумма для крупной сделки могла составлять и двести, и триста килограммов золотых и серебряных монет. Везти несколько вьюков золота и серебра приходилось за сотни километров. Так и везти на лошадях: через леса, где весело пирут разбойники, мимо нищих деревень, в которых замордованные мужики могут убить и за одну серебряную монету.

Надо было останавливаться на ночлеге то у лесных ручейков, в компании с лесными жителями, то на постоянных дворах, сущих притонах, то в замках, владельцы которых мало отличались от разбойников.

Путешествия по Средневековой Европе и так большой скучой не отличались, а уж с таким грузом напоминали больше всего прогулку по минному полю. Банк тамплиеров избавлял владельцев капитала от слишком уж веселых приключений...

У ордена можно было взять ссуду под 10 %, а ведь итальянские и еврейские ростовщики брали и 40 %, и 60 %.

Орден владел десятью тысячами мануариев земли... Что такое мануарий? А! вот справка: мануарием в Средние века называли земельный участок, доход с которого позволял вооружать рыцаря. Это 100, а то и все 200 гектаров. Значит, при необходимости тамплиеры могли выставить хорошо вооруженную армию в десять тысяч человек.

Богатства ордена будоражили воображение, как и неслыханные привилегии: любой тамплиер мог свободно пересекать любую границу, освобождался от налогов и не подчинялся никому, кроме самого папы римского.

Орден таинственный и какой-то «слишком» уж образованный. В тамплиеры брали только грамотных, многие видные тамплиеры писали книги. В море безграмотных и диких жителей тогдашней Европы тамплиеры казались каким-то причудливым исключением.

Так удивляться ли, что тамплиерам приписывали множество тайных знаний, включая умение делать золото из других металлов, из земли, из конского навоза и человечьих фекалий, умение летать по воздуху и проникать в неведомые земли, лежащие за океаном?!

Хм... В справке отмечено: и правда есть основания полагать, что тамплиеры плавали в Америку и добывали золото пусть не из дерьяма, но из руд, разработка которых требовала знания химии. И что попытки создать аэроплан они делали... страшно и представить себе, как нервно воспринимали в Средние века попытки полетать над деревней или городом на планере...

И при этом тамплиеров знали все! Тамплиеры мелькали на королевском совете, на проезжих дорогах, в уединенных замках и в шумных портовых городах. Храмы и монастыри тамплиеров, их богатства знали и видели. О тамплиерах ходили слухи и сплетни – то восхищенные, то завистливо-злобные.

А вот храмов и монастырей Приората Сиона не видел никто и никогда! И членов этого ордена не знал никто... Нельзя сказать, что их никто не видел... Многие видели и хорошо знали членов ордена «Нотр-Дам-де-Сион»... Только никто при этом не знал, что именно эти люди – члены «Нашей госпожи в Сионе». А кто проникал в тайну или оказывался слишком догадлив – тех или брали к себе, или с этими людьми обязательно что-то случалось.

В 1307 году гнев французского короля Филиппа Красивого пал на тамплиеров. Чтобы уничтожить орден, король одновременно вел непростые переговоры с папой римским и готовился к грандиозной операции. Три недели, в строжайшем секрете, шла подготовка. Королевские чиновники и командиры военных гарнизонов до самого последнего момента не знали, что

каждому из них предстояло делать: приказы поступали в запечатанных пакетах. Эти конверты надлежало вскрыть в пятницу, 13 октября 1307 года. Вскрыли и арестовали сразу сотни людей.

Арестованным сразу же были приписаны многочисленные преступления против религии и нравственности:

- 1) они поклонялись некоему существу, которое являлось им в виде кота или козла на их собраниях;
- 2) они поклонялись идолам в виде голов с тремя лицами и человеческих черепов. Этим идолам они тоже поклонялись на своих собраниях;
- 3) они почитали этих идолов, как представителей Бога и Спасителя, а идолы дали ордену все их богатства;
- 4) на своих собраниях они богохульствовали, отрекались от Христа, поклонялись дьяволу;
- 5) они занимались гомосексуализмом, а младшие целовали старших в зад;
- 6) умерших братьев они сжигали, а пепел подмешивали в еду и питье;
- 7) они вели распутную жизнь, нарушили монашеские обеты.

В первые же дни следствия несколько сотен тамплиеров были замучены до смерти. Некоторые из них стали давать показания о том, как тамплиеры распутствовали и поклонялись дьяволу. Потом они несколько раз будут менять показания – сознаваться под пытками, а потом отрекаться от своих показаний, когда их переставали пытать.

Король Франции настаивал, чтобы Папа участвовал в истреблении тамплиеров. Все назначенные Папой инквизиторы показывали, что показания получены только за счет применения самых страшных пыток. Многие кардиналы и епископы были против осуждения ордена. В конце концов Папа не стал ссориться с могущественнейшим королем Запада... возможно, это была его ошибка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.